

СЛУНИЦКАЯ

ПОПАДАНКА В ЗЛОДЕЙКУ,
или Я ВСЕ
ИСПРАВЛЮ!

ПОПАДАНКА ПОД САМОКАТ

Мария Слуницкая

**Попаданка в злодейку,
или Я всё исправлю!**

«Автор»

2026

Слуницкая М.

Попаданка в злодейку, или Я всё исправлю! / М. Слуницкая —
«Автор», 2026

Он вдруг подцепил пальцем край ночной сорочки и потянул с плеча, открывая рану.— Что в-вы себе позволяете?— Ничего из того, что вы не позволяли мне прежде, леди Алфея!— Вы с ума сошли!— А вы не очень-то любезны со своим женихомЯ замерла, не сразу осознав смысл его слов. Потом, словно сквозь толщу воды, до меня дошло. Неужели я и он?..*Столкнувшись с лихим самокатчиком, я перенеслась в другой мир.Здесь царит вечная ночь, повсюду рыщут шпионы, а главный злодей держит народ в страхе, устраивая прилюдные казни!И мне очень «повезло» угодить в тело его любимой дочурки Алфеи, для которой пытки несчастных — лучшее развлечение.Мой «папочка» жаждет выдать меня замуж за жестокого лорда, а тут ещё этот разбойник я спасла ему жизнь, а он взял да и похитил меня!Ко всему прочему у меня обнаружился дурацкий дар, больше напоминающий проклятье.И что прикажете со всем этим делать?Правильно!Свергнуть «папочку», обрести настоящую любовь и жить долго и счастливо!Но всё ли так просто?..

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	15
Глава 6	18
Глава 7	21
Глава 8	25
Глава 9	28
Глава 10	32
Глава 11	36
Глава 12	38
Глава 13	41
Глава 14	44
Глава 15	46
Глава 16	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Мария Слуницкая

Попаданка в злодейку, или Я всё исправлю!

Глава 1

Чёртов самокатчик!

Острая боль пронзила плечо, затем я подлетела на добрых пару метров вверх и рухнула со всего маху на обледеневшую дорожку.

В глазах потемнело...

Ну надо же было так влипнуть. И ведь сама виновата.

Пожалуй, всё началось с моего отпуска.

Море казалось диким холодным зверем. Впрочем, чего ещё было от него ждать в марте?..

Ну кто ездит к морю в это время?

Только такая неудачница, как я.

Как говаривало начальство – ценные кадры на вес золота. Особенно летом. Особенно когда все разъезжают по морям, горам и дачам. А младшего медицинского персонала и в обычное время не хватает, а летом – тем более...

А для меня – девушки с ярлыком одинокой девы, отпуск считался чем-то необязательным.

С другой стороны, я и сама не шибко противилась такому порядку вещей. В свои двадцать четыре я выглядела на все тридцать пять из-за одежды – мешковатых свитеров, широких юбок длиной по щиколотку. Образ дополняли очки с огромными линзами и мышинный хвостик русых волос.

А ещё я совершенно не красилась. Мама любила повторять, что в человеке главное – его внутренний мир, а не внешность. Папа всегда добавлял, что ум – сильнее красоты. Вот я и ждала принца, способного разглядеть и мой внутренний мир, и оценить острый ум... но никто не спешил и в очередь не становился.

Может, родители что-то напутали?.. И ведь не спросишь – они погибли в тот год, когда я поступила в медицинский... Попали в аварию. Я до сих пор по ним скучаю... Вот бы обнять их, поговорить... Мне до боли не хватает маминого пения за завтраком и шелеста папиной газеты по утрам. Даже такие мелочи засели в память...

В общем, на свидания я не ходила. Как и по клубам, театрам и кино. Попросту было не с кем. Ну, не одной же оттягиваться и просвещаться в самом деле?

Вот и жила вот так, надеясь, встретить свою судьбу в автобусе, в супермаркете или в больнице, где пропадала по 16 часов в сутки. Но мой суженый, по всей видимости, не пользовался общественным транспортом и магазинами и был слишком здоров для хирургического отделения.

По дороге к морю я тоже не встретила героя своего романа. Ни в поезде, ни в такси. В отеле в марте тоже рассчитывать было не на кого – редкие постояльцы сплошь состояли из пенсионеров. Но я решила не расстраиваться. В моих мечтах я встречала идеального мужчину где-нибудь на пляже... он бродил в одиночестве, любовался морем и... искал меня. Да-да, именно так. Мы бы медленно шли друг другу навстречу и...

Боль показалась невыносимой. Голову будто пронзили тысячи игл.

Как же глупо всё вышло... Я отправилась на прогулку по набережной, погода была сносной – ветреной, но солнечной.

Поначалу я даже не заметила семью, гуляющую невдалеке, пока их прелестная дочурка в розовой курточке с оборочками не побежала в мою сторону. Помпон на её шапочке смешно подпрыгивал в такт торопливым шагам.

Девчушка, сжимая в руке вертушку, заливисто смеялась. А позади прямо на неё нёсся самокат... да когда уже начнут выдавать права этим лихачам?!

Боже, ещё пара секунд и он точно собьёт малышку!

У меня даже не было времени подумать... я действовала по инерции, просто бросилась вперёд и оттолкнула девчушку влево и как раз вовремя... правда, сама попала под удар. Последнее, что я запомнила – это яркий логотип «ПальМира» на самокате и надпись: *Перемещайся по миру с ПальМирой!* А потом меня словно подхватило вихрем и унесло в темноту. Да и бог с ним, зато боль исчезла.

Глава 2

Только-только утихшая боль вдруг вспыхнула с новой силой.

В груди.

В самом сердце.

Захватывая все новые и новые территории, она распространялась по телу, лишая воли и разума.

Я распахнула глаза и упёрлась взглядом в чужое лицо. Лицо мужчины. Грязные пряди волос прилипли ко лбу, скулы испачканы грязью и засохшей кровью, но взгляд... Он был страшнее любого оружия.

Мерцающие отсветы плясали на его лице, вырывая из темноты резкие, грубые черты. Запах горелого масла мешался с медным привкусом крови на губах. Мир плыл, рассыпаясь в зыбких тенях, но мужчина оставался единственным чётким образом в этом огненном мареве — он казался демоном, пришедшим за мной.

Его тёмные глаза напоминали штормовое небо перед бурей. В их глубине таился огонь — не тот, что сжигает плоть, а тот, что выжигает изнутри, оставляя лишь ненависть. В этих глазах не было ни капли сострадания — только безмолвный призыв умереть.

— Сдохни! — низкий голос, наполненный желчью, озвучил то, что я прочла в его глазах. — Отправляйся к Таргу!

Я открыла рот, но не успела вымолвить ни звука — чей-то рывок отшвырнул мужчину в сторону. Послышался приглушённый удар, и надо мной склонился другой человек. Старец, словно сошедший со страниц средневекового романа.

— Жива! — голос его звучал на грани удивления и суеверного страха. — Но ненадолго, если не достать железо.

И тут я заметила кинжал, торчащий из моей груди. Так вот откуда эта боль...

«После такого не выживают... — пронеслось в голове. — Не зря я работаю в хирургии...»

— Я всё сделаю! — прогремело рядом.

Теперь надо мной склонился другой мужчина. Чужие пальцы коснулись кожи — не грубо, но решительно. Я подняла взгляд и встретила с холодными, пронзительно-синими глазами. Они казались бесконечно далёкими, как лёд на вершинах гор, в котором никогда не отразится солнечный свет. Тёмные волосы спадали на его лоб, обрамляя резкие черты лица, словно вырезанного из камня. Ни жалости, ни удовлетворения — просто спокойное, отстранённое наблюдение.

Затем рывок — и боль. Яркая, ослепляющая. Она вспыхнула ослепительной вспышкой, когда что-то выдернули из моей груди.

В груди опять пульсировала боль, вытесняющая мысли. Я только поняла одно: этот человек только что спас мне жизнь... Или продлил мучения. Я хотела спросить, кто он, но язык был слишком тяжёлым.

Холод, глухая дрожь, будто меня разорвали и снова сшили не той нитью. Я попыталась вдохнуть, но воздух застрял в горле, а перед глазами плыло.

Я вскрикнула, но уже в следующий миг ощутила, как грудь пронзил холод — старец посыпал прямо на рану какой-то порошок словно лёд вплавился в кожу. Горький запах трав и металла ударил в нос.

— Держите её! — приказал мужчина с синими глазами. — Пусть не дёргается, иначе всё насмарку. Ради Всесущих, леди Алфея, не двигайтесь, дайте помочь вам!

Чужие пальцы теперь ощупывали кожу вокруг раны. Я замерла в ожидании новой порции боли, но она постепенно отступала, и среди спутанных мыслей разум ухватился за одну-единственную...

Где я, кто все эти люди и почему меня называют чужим именем?..

Мир вокруг казался расплывчатым, но постепенно обретал очертания. Размытые силуэты людей, факелы, отбрасывающие дрожащие языки света на старые, покрытые резьбой колонны. Они выглядели древними, испещрёнными трещинами, будто пережили века. Запах крови смешивался с ароматом трав, горящих в курильницах.

– Кажется, справились! – воскликнул старец, и его слова вызвали во мне волну облегчения. – Но нужно срочно отнести её во дворец, боль скоро вернётся...

Во дворец? Какая глупость...

Кто-то подхватил меня на руки. Всё тот же холодный, пронзительный взгляд, поджатые губы, глубокая складка меж бровей.

Рядом толпились люди. Воинов можно было узнать по кожаным доспехам и мечам у поясов, а в их глазах читалась тревога.

Среди них выделялся мужчина с колючим, изучающим взглядом. Он был высоким, хищно-грациозным, с широкими плечами. Тот самый, пожелавший мне сдохнуть...

Сейчас его руки были скованы за спиной, но он не сопротивлялся. Только смотрел на меня, словно пытаясь что-то сказать одним лишь взглядом.

– Казнить его! – приказал тот, кто держал меня на руках.

Я вздрогнула.

– Нет! – слова вырвались, прежде чем я осознала, что говорю.

Наступила тишина. Удивлённые лица, чей-то сдавленный шёпот. Мужчина склонился ближе, его холодные глаза сузились.

– Почему?

Я не знала ответа. Не знала, кто этот человек и почему он смотрел на меня так, будто хотел сжечь заживо. Но внутри поднялась волна протеста, не давая молчать.

– Я... – попыталась снова, но слова путались. Я не знала, что сказать, кроме одного: – Не надо...

Собственный голос показался чужим, более низким и таким безжизненным и наполненным усталости, хрипотцы, будто я не говорила уже много дней. Или, может, это просто последствия боли и шока?

Мужчина, державший меня, прищурился. Его холодные глаза скользнули по моему лицу, явно оценивая, насколько я в сознании, понимаю ли, что говорю.

– Вы в бреду, леди Алфея, – его голос был мягким, почти ласковым, но под ним таилась сталь. – Он – враг.

– Нет... – голова гудела, мысли путались. Я даже не знала, кто я, но знала, что казнить его нельзя.

Тот, кого держали, не сводил с меня взгляда. Глубокие, тёмные глаза – в них не было мольбы, страха или раскаяния. Только пристальное внимание и... ожидание?

– Почему вы за него заступаетесь? – снова спросил мой спаситель, его голос гремел от гнева. – Он пытался вас убить!

Я не знала, что ответить. Не знала, но понимала, что нельзя вот так лишить человека жизни.

– Пусть суд решает...

Он посмотрел на меня так, словно я сморозила несусветную глупость. Возможно, так и было... Скорее всего, я сейчас вообще валяюсь в коме и вижу сон... Я даже незаметно ущипнула себя за запястье – говорят, помогает проснуться. Не помогло. Наверное, в коме слишком глубоко спят?

– Леди Алфея, вы, верно, шутите?..

– Лорд Фальмонт, наверняка это последствия ранения! – вмешался в разговор старец.
– У неё помутился разум... Судьбу этого неверного решим позже, мне же нужно заняться лечением!

– Взять его! – приказал лорд-как-его-там. – Бросить в самую грязную камеру и глаз не спускать. Мы разберёмся с ним позже...

Добившись своего, я вдруг разом обмякла, перед глазами всё поплыло.

– Пыль Кахариса подействовала... – услышала я голос старца. – Но это не надолго...

Я чувствовала, как боль медленно отступает, но вместе с ней уходило и что-то ещё, что-то важное. Я словно погрузилась в тёплую воду, но перед тем как провалиться в темноту, успела увидеть последнюю деталь. Совсем крохотную.

Тот, кого называли неверным, улыбнулся – чуть склонив голову, оценивающе, словно записывая этот момент в память. В его взгляде не было ни страха, ни благодарности за спасение, лишь холодное предвкушение. И тёмное, выжигающее безразличие, за которым скрывалось нечто большее – ненависть и презрение. Как будто он не сомневался, что этот миг когда-нибудь обернётся против меня.

Глава 3

Дальнейшее я помнила смутно. Меня куда-то несли, чьи-то руки поддерживали голову, а чужие голоса звучали глухо, словно из-под толщи воды. Мир плыл, смазывался, сливался в череду расплывчатых пятен.

Жар охватил тело, потом снова стало холодно, точно меня обдало ледяным ветром. Сознание проваливалось в полудрёму, то погружая меня в темноту, то выталкивая наружу – в реальность, которая казалась зыбкой и ненадёжной.

Где я?

Кто все эти люди?

Почему они называют меня странным именем?..

Все эти мысли рассыпались, и ни одну не удавалось удержать в голове...

– Расстели постель! – прогремел над ухом чей-то бас. – Чего ты копаешься, безродная?!

– Сию минуту, лорд Фальмонт... – пропищал кто-то в ответ.

Наконец, меня уложили в постель. Простыни оказались мягкими, будто из шёлка, но каждый их изгиб раздражал кожу, натянутую, словно после ожога. Кто-то принялся меня раздевать, я хотела возразить, но не сумела и слова выдать. Я попробовала пошевелиться – тело не слушалось. Лишь пальцы слегка дёрнулись, и мне тут же почудилось, что кто-то рядом это заметил.

– Ей лучше? – голос звучал обеспокоенно, но далеко.

– Я ещё раз осмотрел рану... Пыль действует, я наложу повязку, но мне нужно, чтобы кто-нибудь срочно принёс из моей Целебницы корень Кровоцвета.

– Эй, ты слышала, лекаря Луэна, безродная?! Бегом в Целебницу!

– Да, лорд Фальмонт...

– И захвати сонных капель! Потерпите, леди Алфея...

Внезапное прикосновение обожгло меня холодом, словно ледяные когти смерти сжали моё запястье. Мне хотелось сбросить чужие пальцы, но не смогла даже пошевелиться.

Кто говорит?

Кто рядом?

Я попыталась открыть глаза, но веки были такими тяжёлыми, а сознание таким утомлённым. Меня тянуло обратно, в сон, в забытьё, где не было боли, тревог и вопросов.

Послышался скрип двери.

– Ну, наконец-то! Тебя только за Таргом посылать!

– Простите, мой лорд...

– Давай, сюда...

Спустя несколько секунд я ощутила, как раны что-то коснулось – сначала прохладное, словно утренний туман, затем – разливающееся лёгким теплом. Ощущение было странным: будто под кожей прокатилась мягкая волна, стирая острую, ноющую боль.

Я вздрогнула, когда тепло сменилось лёгким покалыванием, точно груди коснулись сотни крошечных искр. Боль всё ещё была, но уже не такая всепоглощающая – она отступила на шаг, как хищник, затаившийся в тени. Я смогла дышать глубже. Головокружение слегка ослабло, и в голове стало чуть яснее.

– Это поможет, леди Мор'Эйн, – голос лекаря был отстранённым, деловым. – Вам станет легче.

Легче... Может быть. Но почему мне казалось, что вместе с болью что-то важное уходит из меня?

Губ коснулась влага – тёплая, с горьковатым привкусом. Я попыталась отстраниться, но чьи-то твёрдые пальцы удержали меня, не давая отвернуться.

– Пейте, леди, – голос лекаря звучал ровно, но в нём слышалась настойчивость.

Жидкость растеклась по языку терпким, почти пряным вкусом. Я успела понять, что это не просто вода, когда по телу разлилась тяжесть, вялость. Веки стали непослушными, мысли спутались.

– Что... – губы едва двигались, язык словно заплёлся.

– Сонные капли, – голос лекаря донёсся откуда-то издалека. – Вам нужно отдохнуть.

Я попыталась возразить, но силы уходили слишком быстро. Последнее, что я ощутила, – мягкость подушки под головой и чужие голоса, меркнущие во тьме.

– Слава Всесущим, лорд МорЭйн в отъезде, иначе...

– Лихорадка спала, но она ужасно слаба... Мы сделали всё, что могли. Теперь поможет только время и милость Всесущих.

– Спасибо, лекарь Луэн. Нам повезло, что вы были рядом...

– Меня волнует другое... Вы слышали, что она болтала про суд?..

– Всесущие! Да у неё сердце не билось! – шикнул некто на собеседника. – Мы её едва вырвали из лап Тарга, чего вы хотите?..

– Именно! Как знать, каковы будут последствия, и что стряслось с её разумом?..

– Разберёмся, когда она придёт в себя. А сейчас пусть отдыхает.

– Конечно, конечно, мой лорд... – заискивающе пробормотал лекарь.

– И ещё... насчёт того неверного, который на неё напал... Надо сделать так, чтобы...

Окончание фразы так и осталось для меня загадкой. Сознание окончательно меня покинуло и унесло в страну грёз.

Глава 4

Сознание вернулось резко, будто меня вытолкнули из глубины тёмного водоёма. Я шумно вздохнула, чувствуя, как воздух царапает пересохшее горло.

Голова гудела, тело ломило, но больше всего давил страх – необъяснимый, сковывающий.

Где я?

Я моргнула, пытаюсь сфокусировать взгляд. Надо мной нависал полог кровати, тяжёлый, тёмный, расшитый серебряными нитями. В комнате было тихо, слышалось лишь потрескивание свечи и лёгкое дыхание рядом.

Я повернула голову.

На стуле у кровати сидела девушка. Молодая, с простым, но чистым лицом, в скромном платье. Она смотрела на меня широко раскрытыми глазами – тревожно, словно не знала, чего ждать.

Я открыла рот, но вместо слов вырвался слабый хрип.

– Леди МорЭйн? – её голос был тихим, осторожным. – Вы... пришли в себя?

Леди кто?

Я снова моргнула, пытаюсь понять, что происходит. Голова кружилась, мысли были спутанными. Но одно казалось очевидным: это не моя комната.

Я же...

И тут я вспомнила...

Набережная. Парень на самокате. Удар. Боль. Темнота.

Меня сбил самокатчик, и теперь я наверняка в коме. Это просто сон.

Странный, пугающе реалистичный, но сон. Так ведь?

– Я... – голос оказался хриплым, слабым. – Где...

Девушка вскочила.

– Я позову лорда Фальмонта! – сказала она быстро и почти выбежала из комнаты.

Лорд Фаль... Фальмонт?..

Я сжала пальцами простыни, пытаюсь собрать мысли.

Как только дверь за служанкой закрылась, комната погрузилась в тишину.

Я тяжело сглотнула, пытаюсь справиться с ноющей болью в груди. Должно быть, лекарь хорошо постарался, но слабость всё ещё сковывала тело, будто я пробежала марафон... или умерла и воскресла.

Автоматически моя рука потянулась к прикроватной тумбочке за очками. Пальцы нащупали гладкую поверхность, затем наткнулись на какие-то флаконы, тканевую салфетку... очков не было. Я нахмурилась. Наверное, слетели во время аварии.

Снова покрутив головой, я огляделась и с опозданием сообразила, что... вижу.

Без привычного тумана, без размытого мира, который обычно встречал меня по утрам. Всё было чётким до мельчайших деталей – даже узор вышивки на подушках и едва заметная трещинка на резной спинке кровати.

Я зажмурилась.

Опять открыла глаза.

Повторила ритуал ещё раз.

Руки дрожали, когда я медленно развернулась и поставила босые ноги на холодный каменный пол. Ткань ночной рубашки зацепилась за рану, напомнив о себе короткой вспышкой боли, но я заставила себя подняться. Стылый пол казался ледяным, словно сама смерть гладила ступни. Свет от свечей ползал по стенам и отбрасывал тени. Я поёжилась и двинулась к зеркалу.

Оно стояло в дальнем углу, высокое, в позолоченной раме. Изогнутые завитки казались лапами чудовища, охраняющего от чужих взглядов.

Я подошла ближе и замерла. Из отражения на меня смотрела девушка.

Длинные, чуть растрёпанные светлые волосы каскадом спадали на плечи, будто солнечные нити. Кожа – бледная, без единого пятнышка, без привычного покраснения на щеках, которое у меня бывало после сна.

И глаза незнакомки.

Я ожидала увидеть свои – серые, невыразительные, обычно спрятанные за стёклами выпуклых очков. Но глаза, что смотрели на меня из зеркала, были изумрудными, почти прозрачными, без намёка на прежнюю меня.

Словно со стороны я наблюдала, как мои пальцы потянулись к лицу, и коснулись нежной щеки.

Ангельское лицо.

Чужое.

Не моё.

Голова пошла кругом. Меня затошнило, ноги подкосились, и я едва удержалась на ногах. В этот самый момент в комнату вихрем ворвался мужчина и бросился ко мне.

– Леди Алфея, что вы такое удумали?.. – в его голосе слышалось раздражение. – Вам что, жить надоело?

Он в одно мгновение поднял меня на руки и понёс к кровати. Уложил в постель, а сам уселся на краешек кровати. Невозмутимо строгий и хмурый. В полумраке его лицо казалось высеченным из мрамора – бледное, резкое, почти безжизненное, если бы не глаза. Эти глаза – ледяные, пронзительно-синие, смотрели на меня так, будто уже вынесли приговор.

Моё сердце сжалось. Нет, я не разглядела ярости или угрозы, но что-то в его взгляде заставило мой желудок сжаться. Этот человек был опасен. Холодная, безупречная красота, не отягощённая теплом.

Он чуть склонил голову, и тонкие губы скривились.

– Леди Алфея, – протянул он с едва заметной насмешкой. – И куда это вы собрались?..

– Я...

Внезапно воздух в лёгких закончился, на меня навалилась паника и схватила за горло. Грудь сдавило, мир качнулся, а перед глазами вспыхнули серые пятна.

Чужие пальцы сомкнулись на моём запястье – не крепко, но достаточно, чтобы я почувствовала холодное прикосновение.

– Дышите, леди Алфея, – спокойно произнёс мужчина. В его словах не было ни капли волнения, ни толики сочувствия – только бесстрастное наблюдение за тем, как я судорожно глотаю воздух.

Я хотела отдёргнуть руку, но сил не хватило. Его пальцы чуть сжались, и странное ощущение пронзило меня – будто я не падала в бездну, а зависла над ней, удерживаемая лишь этой ледяной хваткой. Но зато спасительный кислород, наконец, ворвался в лёгкие.

– Не думал, что вы настолько хрупкое создание... – с удивлением отметил он.

– Кто... вы?..

– Вы что же, совсем не помните меня, леди Алфея? Это даже несколько обидно.

Перед глазами снова возникла та безобразная сцена. Он склонился надо мной – в свете факелов его лицо выглядело сурово. А затем он схватился за рукоять кинжала. Мне даже почудился отголосок той самой боли.

– Вы спасли мне жизнь...

– Полноте. Любой бы сделал то же самое...

Он лукавил. Я поняла это по его глазам. Если бы он не действовал так решительно, я была бы мертва.

– Так вы не помните, кто я? – теперь на его губах расцвела усмешка.

Я покачала головой. В конце концов, кем бы ни была эта Алфея, она вполне имеет право на проблемы с памятью, так ведь? Пожалуй, этим стоило воспользоваться, пока я не вернусь домой. Я с тоской подумала о своей квартире, где всегда чувствовала себя в безопасности. Вот бы налить себе чаю, укутаться в плед и включить по телику комедию.

– Ничего, леди Алфея, это временно. После такого-то потрясения и неудивительно. Постепенно память вернётся.

Он вдруг подцепил пальцем край ночной сорочки и потянул с плеча, открывая рану.

– Что в-вы себе позволяете?..

– Ничего из того, что вы не позволяли мне прежде, леди Алфея!

– Вы с ума сошли!

– А вы не очень-то любезны со своим женихом...

Я замерла, не сразу осознавая смысл его слов. Потом, словно сквозь толщу воды, он дошёл до меня.

– Что? – голос сорвался.

Мужчина лениво откинулся назад, наблюдая за моей реакцией.

– Неужели и это забыли? Мы с вами помолвлены, дорогая.

Отвращение смешалось с ледяным ужасом. Я не могла дышать. Не могла думать. Только смотрела в эти безжалостные, насмешливые глаза и чувствовала, как меня охватывает холод.

Как Вам лорд Фальмонт? И как думаете, чего от него ждать?

Глава 5

– Вы шутите?..

– Ничуть... – его глаза сверкнули, и в уголке губ мелькнула едва заметная улыбка. Насмешка. Он наслаждался моим замешательством. – Леди Алфея Мор'Эйн и лорд Деверрик Фальмонт обручены.

Я покачала головой, пытаюсь собрать разбегающиеся мысли. Нет. Этого не может быть. Он лжёт. Или... или настоящая Алфея действительно была с ним помолвлена?

– Вы лжёте, – в отчаянье простонала я.

Он склонился ближе, так что я почувствовала его дыхание на своей щеке.

– Разве? – его голос звучал самодовольно. – Значит, вам стоит освежить память.

Пальцы, всё ещё державшие край сорочки, вдруг скользнули по открытому плечу. Я дёрнулась, но он не дал мне уйти, сжав запястье другой рукой.

– Не прикасайтесь ко мне! – прохрипела я, и страх, наконец, прорвался сквозь оцепенение.

Но лорд Фальмонт даже не шевельнулся, только продолжал смотреть изучающе, задумчиво.

– Странно, – медленно протянул он, — ещё недавно вы не были так стеснительны, леди Алфея.

Меня передёрнуло. Всё внутри протестовало против его слов, против его прикосновений.

– Отпустите, – голос дрожал, но я заставила себя выдержать его взгляд.

– Конечно, – легко согласился он, разжав пальцы. – Но я бы советовал вам быть осторожнее. Вы ранены. И к тому же... – его улыбка стала шире, ещё более хищной, – вам понадобится моя помощь.

Я сжала губы.

– Я справлюсь без вас!

– О, я не сомневаюсь. Но справитесь ли вы без меня с остальными? Подумайте об этом, дорогая.

– Уж не думаете ли вы, что я нуждаюсь в вашей защите? – я скрестила руки на груди, несмотря на то, что каждое движение отзывалось болью.

Этот напыщенный индюк чуть склонил голову набок, рассматривая меня с ленивым выражением, будто забавлялся сложившейся ситуацией.

– Думаю? Нет, я в этом уверен.

Я сжала зубы.

– Какое самомнение. Вы ставите себя выше всех?

Он хмыкнул.

– Вы говорите так, будто это что-то новое для вас, леди Алфея!

Я открыла рот, чтобы ответить, но осеклась. Чёрт. А что бы сказала она? Была ли она той, кто смиренно опускал взгляд, или той, кто шипел, как разъярённая кошка? Я была готова поспорить, что смиренной Алфея точно не была, но всё же постаралась держать себя в руках.

– Вы заблуждаетесь, – выдавила я, сжав кулаки.

Лорд Фальмонт придвинулся ближе, вынуждая меня вжаться в подушки.

– И в чём же?

– В том, что мне нужна ваша помощь. И в том, что я вас боюсь.

Его улыбка дрогнула, но тут же вернулась, на этот раз ещё более насмешливая.

– Правда? Тогда почему вы дрожите?

Я сжала кулаки сильнее.

– Это отвращение.

– Ох, леди Алфея, – он цокнул языком. – Как вы жестоки...

– Вы меня недооцениваете.

– Напротив, – в голосе скользнул интерес. – Я лишь пытаюсь понять, какую игру вы затеяли.

Я нахмурилась.

– Игру?

– Разве нет? – Фальмонт внимательно вглядывался в моё лицо. – Вы изменились. В ваших глазах что-то... не то.

Холод прошёлся вдоль спины, но я заставила себя не отводить взгляда. Он подозревал... Возможно, не понимал, что именно не так, но чуткое хищное чутьё уже уловило фальшь.

Я изменилась? Может быть. Алфея наверняка презирала слабость, а я... Я не знала, какую именно черту он уловил, но этого было достаточно, чтобы насторожиться. Может быть, она млела в его объятиях? А я... я ненавидела его и выказывала неприязнь.

И что теперь?

Он будет наблюдать, вот что.

Оценивать каждое моё слово, каждую эмоцию, высматривая несоответствия. Мне казалось, что он уже делает это.

А что, если я скажу что-то не то? Или поступлю так, как настоящая Алфея никогда бы не поступила? Сколько времени у меня есть, прежде чем маска треснет?

Лекарь и слуги пока не сомневались, что я леди Мор'Эйн. Но лорд Фальмонт... Он был опаснее. Не потому, что был жесток, а потому, что видел людей насквозь. Он не просто искал слабости – он ими играл.

Как долго мне удастся водить его за нос? И что случится, если он поймёт правду?

– Ваше воображение поражает, – выдавила я, стараясь не выдать себя.

Лорд Фальмонт усмехнулся.

– Возможно. Но я люблю разгадывать загадки. Особенно такие интересные, как вы.

Сердце пропустило удар.

– Может, вам стоит найти себе другое развлечение?

– О, не думаю, что это возможно. Вы уж слишком... захватывающая, – он наклонился чуть ближе, так, что я почувствовала его дыхание на коже. – А главное, вы уже почти моя, леди Алфея.

– Вы бредите.

– Так решил ваш батюшка, а с ним, как известно, никто не спорит! – лорд Фальмонт пожал плечами.

Я молчала. Потому что знала – он прав.

– А если я не хочу выходить за вас?

– Придётся смириться... И да, дамы находят меня привлекательным и... довольно искушённым и изобретательным в некоторых делах, если вы понимаете, о чём я.

Меня накрыла волна облегчения. Выходит, настоящая Алфея пока не вкусила его страсти, раз он так расписывает свои... умения. Но облегчение длилось всего миг. Я осеклась, едва не выдав себя. Он пристально смотрел на меня, и в его глазах снова мелькнуло что-то похожее на интерес.

– Как любопытно, – протянул лорд. – Вы выглядите так, словно я только что открыл вам какую-то тайну.

– Вы льстите себе, – я вскинула подбородок, надеясь, что голос звучит достаточно уверенно.

– Возможно, – его губы дрогнули в полуулыбке. – Хотя мне казалось, вы должны были помнить такие... детали.

Я едва не закусила губу. Вот же гад. Он проверяет меня.

– После покушения у меня проблемы с памятью, лорд! И даже... более существенные вещи вспоминаются с трудом... – я пожала плечами.

– Говоря откровенно, вы считаете мои... хм... достоинства не слишком существенными?..

– Вы думаете, я обсуждаю с мужчинами их достоинства? – бросила я с презрением.

– Ах, леди Алфея, вы разбиваете мне сердце! – он приложил руку к груди, картинно вздохнув.

– От всей души надеюсь, ваша рана не затянется слишком быстро!

Его улыбка стала шире, но глаза остались холодными.

– О, как вы опасны, дорогая. Меня это даже... немного будоражит.

– Перестаньте называть меня так.

– Как? Дорогая? – он придвинулся еще ближе. – Или "моя"?

Я почувствовала, как бешено застучало сердце.

– Вам не кажется, что у нас разные понятия о собственности?

– Ну, это легко исправить, – он чуть склонил голову, будто прислушиваясь к моему дыханию. – Пожалуй, мне стоит напомнить вам, кто вы и где ваше место.

– Как благородно с вашей стороны, лорд Фальмонт, – прошипела я.

– Я всегда отличался великодушием.

Он выпрямился и, кажется, даже не стал скрывать, что доволен разговором.

– До скорого, леди Алфея. Нам с вами ещё многое предстоит обсудить.

Я не ответила. Просто смотрела, как он уходит, и только когда дверь закрылась, позволила себе тяжёлый выдох.

Говорят, врагов надо держать ближе.

Но что делать, если враг и так не оставляет тебе выбора?

Я застряла здесь.

С ним.

Нет. Это невозможно.

Меня трясло – от злости, от ужаса, оттого, как он смотрел на меня. Как будто он знал... знал, что я не та, за кого себя выдаю. Я вцепилась пальцами в простыни, пытаюсь унять дрожь.

И тут дверь снова распахнулась.

Я вздрогнула, ожидая увидеть его снова, но на пороге стоял другой человек.

Внушительный, как сама тьма за окнами. Его осанка была безупречно прямой, а каждый шаг – размеренным и выверенным, словно он не привык торопиться, но и никогда не сомневался в том, что дорога перед ним опустеет.

Густые волосы – светлые, лишь с едва заметной проседью на висках – были собраны в хвост, открывая угловатые черты. Скулы острые, подбородок тяжёлый, а губы – тонкие, напряжённо сжатые. Но больше всего в нём пугали глаза. Холодные. И светлые – словно выцветшее небо. В них не отражалось ни сочувствия, ни тепла, только безмолвная власть. Как у человека, который не привык никому давать объяснений.

На нём был тёмный, богато расшитый камзол, подчёркивающий его широкие плечи. Длинный плащ волочился по полу, а рука в кожаной перчатке покоилась на эфесе тонкого, изящного клинка – не парадного, а явно использовавшегося не раз.

И я знала, кто это.

Мой... отец.

Глава 6

Итак, я знала, кто передо мной.

Не потому, что мне кто-то сказал.

Не потому, что я успела расспросить или вспомнить.

Я просто знала.

Когда он вошёл, высокомерный, властный, с тяжелым взглядом, холодным, как зимний рассвет, что-то во мне дрогнуло. Не во мне... в ней.

В голове вспыхнуло воспоминание – не моё, чужое.

Девочка в парадном зале, стоящая перед высоким мужчиной. Она смотрит на него снизу вверх, с трепетом и страхом.

«Отец...» – не произнесённое, но осязаемое слово. Он касается её плеча – не ласково, а как метку ставит.

Не опозорь меня... – вот что читалось в этом жесте.

Я сглотнула.

Другое воспоминание. Девушка, чуть старше, стоит в той же позе. Вокруг – гул голосов, пир, шум, смех. Она улыбается, но это не радость. Это... маска.

Ты будешь достойной правительницей, – говорит он, и она кивает, потому что так надо.

Я вздрогнула.

Боги... что со мной?

Голова снова закружилась, но я продолжала смотреть на него – на мужчину, которого никогда раньше не видела, но в то же время знала всю жизнь.

Мой... отец.

Слово врезалось в сознание, оставляя за собой холодный след.

Когда он вошёл – высокий, хищный, властный – внутри меня что-то содрогнулось. Чужое, но теперь и моё.

Новая вспышка.

Девушка в чёрном, стоящая перед толпой. Колени пленника дрожат, кожа бледная, губы шепчут что-то бессвязное. Но она не слышит. Не хочет слышать.

Она знает, что этот человек – предатель. Что он пытался поднять восстание против её отца. Её семьи. Против неё. И не имеет значения, что он сражался за свободу.

В ее руке – кинжал. Острый, холодный.

– Докажи, что ты достойна, – голос отца, спокойный и ровный.

Она не колеблется.

Остриё входит в плоть легко, как нож в масло. Мужчина захлёбывается криком. Толпа гудит.

– Хорошо, – на сей раз голос отца одобрительный. Гордый. Довольный.

Воспоминание исчезло так же внезапно, как появилось, но его привкус остался.

Я задыхалась.

О боги... Что она натворила? Что я натворила?

– Какая ты жалкая... – голос отца наяву звучал именно так, как и в воспоминаниях.

Любил ли он свою дочь Алфею? Что-то я очень сомневалась.

– Вообще-то, я чуть не погибла... – я не удержалась от комментария.

Надо же, в обычной жизни я смиренно молчала, а тут позволила себе перечить, да ещё и *такому* человеку. Но мне стало невероятно обидно. Познавшая настоящую отцовскую любовь, я не понимала, как можно *тако* относиться к собственной дочери.

– Разве я не учил тебя всегда оставаться Мор'Эйн? – голос его гремел водопадом. – Ты должна была вырвать кинжал из своей груди и вонзить его в сердце того, кто посмел поднять руку на кровь Мор'Эйнов!

Голос «папочки» был подобен грому – тяжёлому, не терпящему возражений. В его бесцветных глазах не было тревоги за дочь, не было даже любопытства – только суровое разочарование, словно он смотрел не на живого человека, а на грубо отлитую статую, в которой обнаружился брак.

Я сжала простыни, пытаюсь справиться с накатившей злостью. Он не спросил, как я себя чувствую, не удостоил и намёком на заботу. Нет, в его мире это было излишним. Важна была только сила.

– Вы действительно считаете, что это возможно? – мой голос дрожал, но я заставила себя выдержать его взгляд.

– Возможно? – Он склонился ниже, и я почувствовала его ледяное дыхание у самого лица. – Возможно, если ты – Мор'Эйн.

Он выпрямился, оглядел меня с головы до ног – словно оценивая, стоит ли выброшенный на берег улов потраченных сил.

– Если нет, то ты лишь ещё одна слабость, которую пора вырвать с корнем. Я жду...

В голове сами собой всплыли слова. Горькие, точно полынь.

– Простите, что разочаровала, отец...

Так обычно отвечала Алфея отцу. Эти же слова слетели и с моих губ.

– А что за история с этим неверным, а? С чего это ты за него заступилась?

Я сглотнула, пытаюсь удержать на лице бесстрастную маску. Внутри всё холодело – от его тона, от этого насмешливого, почти ленивого интереса.

– Это было... – я запнулась, подбирая слова. – Так вышло само собой.

– Само собой? – он усмехнулся. – Само собой было бы, если б ты перерезала ему глотку прямо на площади. Но ты вдруг решила сыграть в милосердие. Ты, Алфея Мор'Эйн!

Я опустила глаза, не зная, что сказать. Ещё секунда – и он почувствует мою слабость, вцепится в неё, как хищник в рану.

– Всё было... как в тумане, – я заставила себя пожать плечами. – Может, я просто захотела сама выбрать, когда и как он умрёт.

– Вот как? – отец Алфеи прищурился, но в голосе скользнуло что-то... похожее на одобрение. – Хочешь сказать, что у тебя был расчёт?

– Что-то вроде...

Он смерил меня взглядом, потом коротко кивнул, словно про себя делая какие-то выводы.

– Хорошо. Тогда учти: твой неверный – твоя добыча. Избавься от него как можно скорее.

– Как прикажете, отец... – и снова фраза из арсенала памяти Алфеи всплыла сама собой.

– Не прикажу. Я буду ждать. И, надеюсь, ждать долго не придётся.

Он развернулся и вышел, оставив меня одну.

Я сжала простыни в кулаках.

Твоя добыча.

Звучало зловеще.

Я вдруг припомнила глаза того мужчины на площади – тёмные, сверкающие яростью, полные отчаянной решимости. Тогда, среди криков и толпы, он казался всего лишь загнанным зверем, готовым в последнюю секунду броситься на охотника. Но теперь, осмысливая всё заново, я понимала: он не был жертвой.

Зато ею была я.

Осознание этого факта пронзило, как холодный металл мою грудь совсем недавно. Я не спасала его – я загнала себя в угол, сама того не ведая. И теперь, оказавшись в клетке, понимала, что выбор сделан. Осталось только узнать, был ли он верным.

Вот и с папочкой поговорили... Что думаете?

Глава 7

Спала я плохо.

Во сне всё смешалось – прошлое и настоящее, страх и боль.

Я стояла на набережной, воздух был свежий, солёный, с привкусом ранней весны. Где-то вдалеке кричали чайки, туристы бродили вдоль моря, кутаясь в шарфы от мартовского ветра. Солнце било в глаза, оставляя блики на мокром асфальте.

Я снова увидела ту самую девочку в смешной шапочке. И на неё снова нёсся самокатчик. Моё тело среагировало быстрее, чем мозг. Я бросилась вперёд, толкнула девочку в сторону, а сама...

Резкий удар – сначала в плечо, потом в бок, затем – вспышка боли, будто меня бросили на твёрдую, ледяную землю. Воздух выбило из лёгких, голова глухо стукнулась, а затем всё окутала тишина.

Но ненадолго.

Я была уже не там.

Лежала на площади, холодный камень под спиной, а надо мной нависла тень. Мужчина с тёмными глазами. Лихорадочные, пылающие ненавистью, они смотрели на меня, не мигая.

– Сдохни!

Я хотела закричать. Хотела пошевелиться. Но тело снова не слушалось.

Я вздрогнула и распахнула глаза, хватая воздух.

– Леди МорЭйн!

Не сразу я осознала, что это не тот голос, который я слышала во сне. Не *его* голос.

Передо мной сидела девушка – молодая, с пшеничными волосами, заплетёнными в тугую косу. В руках она держала вязание.

– Кто ты? – пробормотала я, не понимая, почему именно этот вопрос сорвался с губ.

Служанка моргнула, в её глазах мелькнуло замешательство.

– Ваша служанка, леди МорЭйн...

Я приподнялась на локтях, всё ещё пытаюсь справиться с шумом в голове.

– А имя у тебя есть?

Она чуть нахмурилась, её пальцы едва заметно дрогнули над спицами.

– Меня зовут Лита, – повторила она, но затем неуверенно добавила: – Вы... никогда раньше не спрашивали.

Я сжала губы. Что ж, неудивительно. Алфея, похоже, и правда не слишком заботилась о людях вокруг. Наверняка она не запоминала имена, лица и самих людей, если они хоть сколько-нибудь не значили для неё.

– Значит, пришло время...

Девушка выглядела ошарашенной. Кажется, она не слишком верила в мою искренность.

– Лорд МорЭйн настоял, чтобы вы спустились вниз на завтрак, – наконец, сказала Лита, опустив голову.

Мне стало нехорошо при одном упоминании о моём папочке – такого отца и врагу не пожелаешь! Кто в здравом уме заставит человека покинуть постель после... ранения в сердце?.. Но этот мир был перевернут с ног на голову.

Я посмотрела на окно – за ним царила крошечная тьма.

– Какой ещё завтрак? Там же хоть глаз выколи, – нахмурились я.

Лита побледнела.

– Леди... – её голос стал тонким, почти испуганным. – У нас всегда темно. В нашей стране царит вечная ночь, вы забыли?..

Ну вот и приплыли.

В голове неприятно зашумело. Так. Значит, ни утро, ни вечер, ни день здесь ничего не значат. Я нахожусь в мире, где солнце вообще не встаёт. Ни на секунду.

И я только что едва не выдала себя.

– Ах... ну конечно, – я постаралась выровнять голос, но всё же почувствовала, как в нём дрогнули нотки. – Я имела в виду... ночь кажется особенно густой сегодня, разве нет?

Лита замешкалась, словно сомневаясь, но потом кивнула:

– Да, моя госпожа.

Она, кажется, немного успокоилась, но я заметила, что её пальцы всё равно чуть сильнее сжали спицы.

– Давайте я помогу вам умыться, – сказала Лита, отложив вязание.

– Что ты вяжешь? – я решила сменить тему от греха подальше.

– Ах, это... это для моей сестры, у неё недавно родился ребёнок...

– Поздравляю!

– Спасибо, леди МорЭйн! – и снова в её голосе прозвучало удивление. – А теперь давайте я помогу вам!

Я позволила себя усадить на край кровати. Лита ловко развернула кувшин с водой и налила её в глубокую фарфоровую чашу. Я ожидала, что вода будет ледяной, но нет – она оказалась тёплой, обволакивающей.

Пока я умывалась, Лита поднесла мне кусочек мягкой ткани и флакон с прозрачной жидкостью, пахнущей чем-то свежим, почти мятным.

– Это?..

– Настой из трав. Чтобы снять напряжение, – пояснила она.

Я осторожно провела тканью по лицу и ощутила тонкий, едва уловимый аромат трав. Напряжение в висках слегка ослабло, словно кто-то невидимый провёл по ним прохладными пальцами.

– Благодарю, – пробормотала я, отрываясь от зеркала.

– Но сначала давайте помоем ваши волосы...

– Я сама! – запротестовала я. – Ты только помоги мне, ладно?..

Лита только кивнула. Похоже, спорить с леди Алфеей здесь никто не решался.

Когда с волосами было покончено, Лита протянула мне другой флакон – на этот раз с густой, чуть маслянистой жидкостью, которая отливала тёмно-зелёным в свете свечей.

– А это что? – я с подозрением повертела бутылочку в руках.

– Для вашей раны, леди. Поможет с заживлением.

Я осторожно провела рукой по груди. Под пальцами кожа казалась чуть горячее, чем должна была быть. Я приподняла бровь, но всё же приняла мазь и осторожно капнула немного на пальцы, затем прикоснулась к ране. Мгновение – и кожу окутало лёгкое, почти щекочущее тепло, а боль под рёбрами притупилась.

Сама рана почти затянулась.

Это само по себе было невозможным. Ещё вчера кинжал торчал у меня из груди, а теперь от него остался лишь слабый след – тонкая линия, едва заметная для глаз.

Я понятия не имела, как тут всё работает, но была уверена: в обычном мире такие вещи не происходят. Не зря же я работала в хирургическом отделении. Даже самые передовые методы не могли обеспечить подобного эффекта.

Магия?

Пока я переваривала это открытие, Лита уже зашелестела платьем. Оно было строгим, но элегантным – глубокий тёмно-синий цвет, тяжёлый бархат с серебряной вышивкой по краям рукавов и корсажа.

– Лорд МорЭйн сказал, что вы должны выглядеть... достойно, – она запнулась, но быстро исправилась: – То есть, как и подобает леди.

Ах, ну конечно.

Я закатила глаза, но встала, позволяя ей натянуть на меня платье. Застегнув последние крючки на платье, Лита потянулась к шнуровке корсета.

– Готовы, леди МорЭйн?

– Ох, а у меня есть выбор?

Она улыбнулась краешком губ, но не ответила. Корсет сжался вокруг меня, словно удав. Я тихо зашипела – в первую секунду боль пронзила грудь так, что потемнело в глазах.

– Леди? – Лита замерла, заметив, как я напряглась.

– Всё в порядке, – я стиснула зубы и выдавила из себя улыбку. – Просто... туже, чем хотелось бы.

Она кивнула, но теперь стягивала шнуры осторожнее.

Боль не ушла, но стала терпимой – неприятное, тянущее ощущение, словно корсет давил прямо на рубец от раны. Я глубоко вдохнула, стараясь не показывать, как мне некомфортно.

– Вот теперь точно готово, – сказала Лита. – Вы почти напоминаете себя прежнюю... Лорд МорЭйн будет доволен.

Судя по всему, весь мир жил для того, чтобы мой лжепапочка был доволен. Он мне не нравился. Совершенно. Как и лорд Фальмонт... Его комментарии в мой адрес казались очень неприятными. Слишком уж он наслаждался ситуацией, слишком много знал – больше, чем следовало бы. Его слова всегда звучали с лёгкой ленцой, но в них сквозила какая-то опасная насмешка, как у хищника, играющего с добычей.

Спустя ещё несколько минут, когда платье село на меня, как литое, Лита взялась за мои волосы. Они, к слову, выглядели очень неплохо – золотистые, блестящие, после мытья ещё и стали немного волнистыми.

– Какой вам сделать укладку? – спросила Лита.

– А как мне больше идёт?

Она снова удивилась.

– Когда вы оставляете волосы распущенными.

Ну хоть что-то удобное.

– Тогда так и сделаем... – кивнула я. – Они почти высохли...

Лита ловкими движениями расчесала их, оставив свободно спадать по спине.

– Вот, – тихо сказала она, отступая на шаг. – Теперь всё идеально...

Я бросила взгляд на своё отражение в зеркале. Из него на меня смотрела совершенно другая девушка. Бледная, с тяжёлым взглядом, в платье, которое я никогда раньше не носила. Лита права – я выглядела почти как та, кем должна быть. Волосы аккуратно уложены, платье сидит идеально, даже рана, кажется, почти не беспокоит.

Вот только внутри я оставалась собой.

Чужой в этом доме.

Чужой в этом теле.

– Что ж, – я выпрямилась, натянула на лицо спокойное выражение и вдохнула глубже. – Пора идти.

Больше всего на свете я хотела остаться в комнате. Завернуться в одеяло, закрыть глаза и сделать вид, что всего этого не существует – ни ледяного взгляда отца Алфеи, ни насмешек лорда Фальмонта, ни проклятого замка, где я оказалась запертой.

Кто ещё будет за столом? Люди, которые знали Алфею, помнили её повадки, привычки? Вдруг они заметят, что что-то не так? Вдруг лорд Фальмонт опять скажет нечто, что заставит меня выдать себя?

Я шумно выдохнула, пытаясь унять напряжение. Остаться здесь мне, конечно, не позволят.

– Лита, – голос мой прозвучал тише, чем хотелось бы. – Ты не проводишь меня в столовую?

Служанка моргнула, будто удивившись, но тут же склонила голову.

– Вы про Мраморную залу, леди МорЭйн?

– Да-да... – спохватилась я.

– Конечно, моя госпожа!

Она шагнула к двери и распахнула её передо мной. В коридоре было прохладно, и я невольно поёжилась. Сердце забилось быстрее. Я чувствовала себя так, словно мне предстояло войти в логово льва.

И пути назад не было.

Итак, папочка Алфеи требует её присутствия... Вы удивлены? Или не очень? Как думаете, с кем ей придётся столкнуться внизу?

Глава 8

Зала, куда я спустилась, казалась огромной.

Высокий потолок терялся в тенях, а стены тонули в глубоком малиновом и чёрном цветах, украшенные тяжёлыми гобеленами, на которых пылали сцены старых побед. Мраморные колонны тянулись вверх, будто окаменевшие стволы деревьев, их тёмные поверхности украшали тонкие золотые узоры, тоже уходящие ввысь.

Серебряные канделябры отбрасывали мягкий свет на длинный стол, за которым сидело не меньше дюжины гостей. Мужчины и женщины в одеждах насыщенных оттенков, их лица – маски безмятежности, их разговоры – приглушённый, утончённый шум.

Я чувствовала на себе взгляды, даже если никто не поднимал головы.

Меня изучали.

Оценивали.

Пытались понять, чего от меня ждать.

Я не была Алфеей, но они об этом не догадывались. По крайней мере, я на это надеялась. А потом один из мужчин поднялся из-за стола. Тёмные волосы, безупречный чёрный камзол с серебряной вышивкой, пронзительные синие глаза, от которых веяло холодом.

Лорд Фальмонт.

Он двинулся ко мне с ленивой грацией хищника, которому некуда спешить.

– Леди Алфея, – произнёс он, и в его голосе было достаточно шёлка, чтобы спутать нити правды и лжи. – Как же приятно видеть вас в добром здравии после всего, что произошло... – он чуть склонил голову, а в уголке его губ мелькнула насмешка. – Или, возможно, вы бы предпочли остаться в постели подольше?

Что-то в его тоне заставило меня внутренне напрячься.

– Спасибо, что так печётесь обо мне, – ответила я сухо. – Я в порядке.

– О, несомненно. – Фальмонт наклонился чуть ближе, так, чтобы только я могла услышать его слова. – В конце концов, мы оба знаем, что вы с честью умеете выходить из... затруднительного положения.

Что-то тёмное блеснуло в его глазах.

Я не знала, что именно он имел в виду, но чувствовала – это было нечто большее, чем просто любезность.

Какая-то тайна.

Какая-то... угроза?

Я выпрямилась и встретила его взгляд с холодной решимостью.

– Возможно, – сказала я, – как видите, я здесь.

– Как всегда! – он улыбнулся, но улыбка эта не касалась глаз. – Должен признать, это... впечатляет.

Затем он чуть отступил, делая жест в сторону стола.

– Позвольте проводить вас, леди Алфея?

И я поняла, что у меня нет выбора, кроме как сесть за этот стол – окружённая теми, кто знал Алфею, но не знает меня.

Я прошла к столу, чувствуя на себе десяток взглядов. Некоторые были откровенно изучающими, другие – равнодушными или даже презрительными. В этом обществе царил свой порядок, свои игры. И теперь мне предстояло стать его частью.

За столом сидело множество людей, но несколько экземпляров выделялись особенно – они словно сошли со средневековых картин. Но больше всего меня поразила она.

Женщина, чья красота казалась вырезанной из мрамора. Белокожая, с чёрными как смоль волосами, уложенными в высокую причёску, она сидела с идеально ровной осанкой, держа

бокал с вином тонкими пальцами. Губы, окрашенные в тёмно-бордовый цвет, кривились в лёгкой усмешке, а глаза – бездонно карие, с янтарными искрами – смотрели с ленивым интересом.

– Какой неожиданный гость, – протянула она, когда я подошла ближе. – Мы уж было подумали, что ты не оправишься после... неприятного инцидента.

В её голосе было что-то змеиное – вкрадчивое, но с ядом под поверхностью.

– Леди Виолайн... – прошептала я сдавленно.

Память настоящей Алфеи услужливо напомнила имя. В голове замелькали картинки из прошлого – одна другой краше.

Бал в честь какого-то важного события. Золотой свет свечей, отражающийся в хрустальных бокалах. Мерцающие ткани, смеющиеся губы, сладковатый запах вина и духов. И мой отец – холодный, грозный, почти неприступный – вдруг позволяет себе улыбку. Склонив голову, он слушает Виолайн, которая, не скрывая восторга, кладёт руку ему на предплечье. В её глазах – обещание, в каждом жесте – призыв. А потом появилась я, точнее – настоящая Алфея.

– Вы слишком много пьёте, отец.

– Ты слишком много говоришь, дочь.

Я видела, как она смеялась его словам. Видела, как её пальцы задерживались в его ладони дольше, чем следовало. Видела, как отец не спешил убрать её руку.

Другое воспоминание – день в саду. Холодный, хрустящий воздух, запах мокрой земли после дождя. Отец стоял, глядя на висящие с лозы чёрные ягоды, а Виолайн – рядом, чуть склонив голову.

– Вы так одиноки, лорд МорЭйн.

– Я предпочитаю называть это свободой.

– Свобода не греет по ночам...

Я кожей ощутила, как Алфее стало тогда не по себе. Как будто наблюдать за этим было запрещено.

И ещё одно – их вальс.

Внезапно этот образ всплыл в памяти так ярко, что я почти услышала мелодию, ощутила холод стекла в пальцах. Музыка плескалась вокруг, а Виолайн двигалась с грацией змеи, её улыбка прятала что-то опасное. Я помнила тот вечер. Помнила, как отец держал Виолайн – уверенно, но не так, как всех остальных. В его взгляде не было привычной отстранённости, в его движениях – той сдержанности, с какой он всегда обращался с женщинами. Нет. Этот танец был слишком слаженным, слишком совершенным, будто они давно привыкли двигаться в унисон. Они были идеальной парой в этом танце.

Я стояла в тени, наблюдая за ними, и тогда...

– Ей не место рядом с ним.

Я вздрогнула от собственных слов, прозвучавших в памяти.

– Почему? – голос лорда Фальмонта был ленивым, почти насмешливым.

Я припомнила, как сжала тогда бокал. Как злость вышла из берегов.

– Потому что она хочет не только его, – сказала тогда Алфея, чувствуя, как от раздражения перехватывает дыхание. – Она хочет все, что ему принадлежит.

Фальмонт усмехнулся, его взгляд скользнул по моему лицу, изучая.

– Вы ревнуете, леди Алфея?

– Не говорите глупостей.

– О, но это не глупости, – его голос был мягким, тягучим. – Вам не нравится, когда кто-то посягает на вашу территорию.

Воспоминание было таким живым, что я почти вновь ощутила, как стиснула тогда зубы.

– Это не ревность. Это здравый смысл.

Фальмонт чуть приподнял бровь, его усмешка была лёгкой, но в ней сквозило сомнение.

– Разумеется, – произнёс он тогда, и его тон был слишком понимающим, слишком уверенным.

– Рада, что ты... в полном здравии, дорогая! – уже наяву произнесла леди Виолайн.

Я моргнула, возвращаясь в настоящее. В груди ещё пульсировало прежнее раздражение, но теперь к нему примешивалось кое-что другое – тревожное осознание.

Эта женщина не просто мечтала выйти замуж за моего отца. Она хотела большего. Намного большего. И, кажется, Алфея стояла на её пути.

Вот мы и познакомились пока только с одной обитательницей дворца... Обещаю, впереди нас еще ждут интересные личности.

Глава 9

Я покачнулась и едва не рухнула на шикарный ковёр прямо здесь, если бы не вездесущий лорд Фальмонт, поддержавший меня за локоть.

– Осторожнее, леди Алфея, вы ещё не до конца оправились... – на сей раз в голосе его прозвучала искренняя забота.

Он даже подвёл меня к столу и под взглядами присутствующих поинтересовался, нужна ли мне помощь. Ох уж эта моя гордыня... Кажется, я сама себя загнала в ловушку. Дёрнув плечами, я высвободилась и уселась на ближайший свободный стул. И только потом обратила внимание на общий вздох, словно все разом осознали, что я делаю нечто предосудительное.

Несколько секунд в зале царила напряжённая тишина, а затем раздался ядовитый голос Виолайн:

– Ты, видно, совсем тронулась умом, если позволяешь себе сесть на Пустующий трон.

Я замерла. Это название... Я слышала его прежде. Оно мелькало в памяти, звучало в приглушённых шёпотках, витало в стенах поместья.

Пустующий трон.

Стул, на котором никто не сидел с тех пор, как исчезла мать Алфеи.

Кровь отхлынула от лица. Всё внутри сжалось, когда я поняла, что именно сделала.

Медленно, почти осторожно я скользнула взглядом по лицам присутствующих. Лорд МорЭйн смотрел на меня холодно, испытующе. В его взгляде не было гнева, но было нечто хуже – ледяное безразличие, словно он уже давно похоронил всё, что было связано с той, кто когда-то сидела на этом месте.

Виолайн, напротив, выглядела довольной. Она растянула губы в улыбке, в глазах её плясало торжество.

– Ах, ну раз уж ты так отчаянно жаждешь вернуть былое... – протянула она, сцепив пальцы в замке. – Может, ты хочешь занять её место окончательно?

Я почувствовала, как сжались кулаки, как ногти вонзились в нежную кожу, потому что память снова заботливо подсунула воспоминание – страшное, лишшающее здравого смысла.

Будто со стороны я увидела мать Алфеи на плахе...

Рассветное солнце заливало площадь холодным светом, высвечивая каменные колонны, алую ткань знамён, вздымающихся над помостом, и глаза – десятки, сотни глаз, устремлённых на одинокую фигуру в белом.

Её платье – символ очищения перед смертью. Волосы, распущенные по плечам. И глаза, в которых не было ни страха, ни смирения. Только что-то непоколебимо твёрдое, что делало её похожей на статую богини, взирающей на мир с презрением.

Палач стоял рядом, тяжело опершись на топор. Его лицо терялось в тени капюшона, но даже без него я знала, что он безжалостен. Здесь не было места жалости.

Голос глашатая прозвучал, как удар колокола:

– Леди МорЭйн признана изменницей и приговаривается к смерти...

Я не хотела видеть. Не хотела слышать. Но детские глаза Алфеи продолжали смотреть.

Мать не дрогнула, даже когда палач поднял топор. Кажется, она даже что-то ответила.

Я почувствовала чужую руку на своих плечах, удерживающую, сжимающую, не позволяющую броситься вперёд. Чей-то голос зашептал:

– Тише, леди Алфея, тише...

И вот... Лезвие сверкнуло в солнечном свете.

Перед глазами всё поплыло.

Я резко вынырнула из воспоминания, сердце билось в груди так, что я едва могла дышать.

Я видела Виолайн. Она всё ещё улыбалась.

Я заставила себя вдохнуть. Подняла подбородок.

– Не переживайте, леди Виолайн, – голос прозвучал на удивление ровно. – Из нас двоих это ведь вы стремитесь занять её место, не так ли?..

Последовал ещё один тяжёлый вздох. Мне следовало испугаться, но именно сейчас я знала точно, что настоящая Алфея именно так бы и ответила.

– Пересядь! – прогремел голос отца. – И не смей разговаривать подобным образом с леди Виолайн!

Рядом тихо кашлянул лорд Фальмонт.

– Кажется, леди Алфея переутомилась. Не будем усугублять ситуацию, – в его голосе скользнул лёгкий сарказм, но в глазах читалось нечто иное – он словно внимательно изучал меня, ловя малейшие изменения в выражении лица.

Я не могла позволить себе сорваться. Не могла позволить им увидеть, что эта ловушка сработала. Сделав вид, что ничего не произошло, я медленно поднялась, позволила себе несколько равнодушных движений – поправила складки платья, стряхнула невидимую пылинку с рукава и плавно пересела на другой стул.

Пустующий трон остался стоять, как и прежде – наполненный тишиной, призраками прошлого и шёпотом того, с чем мне ещё предстояло разобраться.

– По-моему, к вам несправедливы, леди МорЭйн...

Ко мне обратился мужчина средних лет, сидящий по левую руку от меня. Резкие черты лица, короткие тёмно-рыжие волосы и тень старого шрама на правой скуле. Его одежда казалась чуть менее роскошной, чем у остальных, но от него веяло скрытой опасностью, припорошенной деликатностью и мнимой заботой.

Барон де Салерн.

Он склонил голову в знак приветствия, но его зелёные глаза не выражали ни теплоты, ни дружелюбия.

– Справедливость – вещь относительная, барон... – пробормотала я.

– В любом случае я рад видеть вас в добром здравии. Для кого-то ночь была беспокойной, но, к счастью, утро всё расставляет по своим местам.

Утро. Вечная ночь. Я не могла понять – это было просто выражение или он пытался сказать что-то большее? От обилия людей голова шла кругом.

– Наша несравненная леди Алфея вернулась к нам, – улыбнулся парень, сидевший напротив, откинувшись на спинку кресла. – и выглядит великолепно. Впрочем, как всегда... Вам говорили, дорогая, что сегодня вы особенно ослепительны? Фальмонт, ты, кажется, теряешь хватку.

Лорд Лестейн.

Молодой, едва старше меня, но с изяществом человека, который вырос среди власти и интриг. Его золотисто-русые волосы были слегка взъерошены, а в карих глазах светилась едва скрытая насмешка.

Он ухмыльнулся, иронично взглянув на лорда Фальмонта, но в глазах мелькнул интерес.

– Разве жениху не положено пестовать свою невесту? – продолжал Лестейн. – Холить и лелеять? Если что, я могу тебя заменить...

Мне совсем не нравился его тон.

– Я справлюсь, кузен, – сухо произнёс Фальмонт, присаживаясь справа от меня.

Значит, они двоюродные братья?.. А так и не скажешь. Братской любви между ними не набралось даже на чайную ложку.

– Никто и не сомневается в ваших... умениях, лорд Фальмонт! – подала голос молоденькая девушка с другого конца стола.

Леди Сирена Валентай.

Юная красавица, на вид не старше восемнадцати, сидела чуть поодаль, словно стараясь не привлекать к себе внимания. Волосы у неё были серебристо-русые, собранные в сложную косу, а большие серые глаза выражали осторожность. Она избегала смотреть прямо на меня, но её пальцы чуть сжались на краю бокала, когда я заняла своё место.

Алфею она явно недолюбливала, а то, как украдкой поглядывала на моего «жениха», говорило о её противоречивых чувствах к нему. В её серых глазах мелькала боль вперемешку с обожанием. Кажется, настоящая леди МорЭйн разбила бедняжке сердце, захомутав лорда Фальмонта.

– Должен признать, леди Алфея, – произнёс мужчина, сидящий напротив моего папочки, – мы едва не оплакали вашу гибель. Но вы продолжаете нас удивлять...

Маркиз Грегор фон Штерн

Высокий, плотного телосложения мужчина с густыми чёрными усами, выглядел как человек, привыкший получать всё, что хочет. Он ел с жадностью, не стесняясь показывать своё удовольствие, но в какой-то момент поднял на меня взгляд – тёмный, цепкий, пронизывающий.

– Да будет вам... – произнесла моя пока ещё несостоявшаяся мачеха, – от лёгкой царапины ещё никто не умер...

Ничего себе, царапина! Да мне ж сердце пронзили!

Я медленно выдохнула, чтобы не наговорить лишнего. Гнев бурлил внутри, но я заставила себя выпрямиться и изобразить невозмутимость.

– Забавно, – произнесла я, глядя на неё поверх бокала с вином, который машинально поднесла к губам. – И всё же, уверена, вы бы предпочли не проверять это на себе, не так ли?..

Леди Виолайн улыбнулась уголками губ – она явно ждала какой-то реакции, но я не собиралась её радовать. Вместо этого я перевела взгляд на отца.

Атмосфера за столом была напряжённой. Леди Виолайн продолжала смотреть на меня, а среди остальных гостей чувствовалось скрытое ожидание. Они словно ждали, когда я совершу ошибку.

Лорд МорЭйн сидел во главе стола, как истинный хозяин: спокоен, величественен, холоден. Даже взгляд его, скользнувший по мне, был ледяным. Не злость, не недовольство – просто оценивающий интерес, будто он разглядывал сломанный механизм и размышлял, стоит ли его чинить или проще заменить.

Я сжала бокал сильнее.

Сколько бы я ни пыталась убедить себя, что могу справиться, страх всё равно жил где-то внутри. Что, если он поймёт? Что, если выведет меня на чистую воду прямо сейчас, на глазах у всех?

Я почувствовала движение справа. Лорд Фальмонт. Он наблюдал за мной с лёгкой усмешкой – не настолько дерзкой, как обычно, но всё такой же непроницаемой.

– А вы, я погляжу, быстро оправились, – заметил он, откидываясь на спинку стула.

– Вас это разочаровало? – я подняла бровь, глядя прямо на него.

– Отнюдь. Меня это... заинтриговало, – прошептал он, беря меня за руку.

Его пальцы оказались удивительно тёплыми, почти обжигающими – контраст с прохладным воздухом зала был разительным. Кожа у него была гладкой, но под ней чувствовалась сила – не грубая, но цепкая, уверенная.

– Как легко вас заинтриговать.

– Я бы так не сказал... Скорее, я просто умею замечать то, что другие упускают, – его голос звучал лениво, почти безразлично, но в глазах плясал хищный огонёк. – И, признаться, меня это весьма забавляет.

Он улыбнулся. Я не знала, что скрывается за этой улыбкой – развлечение, подозрение или что-то ещё. Но мне отчаянно не нравилось быть предметом чьего-то интереса, особенно его интереса.

– Может, есть ещё что-то, чего я не знаю?..

– О... Пожалуй, имеется кое-что, – прошептал он мне практически на ухо. – У нас ведь с вами имеется своя маленькая грязная тайна, вы помните?

Я вздрогнула, но не от его прикосновения – от слов.

Маленькая грязная тайна...

Моё сердце пропустило удар. Горло сжалось, будто меня вдруг схватили за шею. Он просто играл? Или... он действительно что-то знал? Я не позволила себе отдёргнуть руку – это было бы слишком очевидным признаком слабости. Вместо этого я медленно подняла глаза, встречая его взгляд.

– Не понимаю, о чём вы, лорд Фальмонт, – ровно произнесла я, надеясь, что голос не выдаст нервозности.

Он слегка сжал мои пальцы, не давая вырваться, и наклонился еще ближе.

– Уверены? – его голос стал почти интимным, лишь для меня одной. – А мне казалось, вы слишком умны, чтобы отрицать очевидное.

Внутри всё сжалось. Он играл со мной, проверял, насколько далеко можно зайти. Я мягко выдернула руку, на этот раз он позволил мне это сделать.

– Осторожнее, лорд Фальмонт, – я улыбнулась холодно, с нажимом. – Иногда игра может обернуться против вас.

– Ах, леди Алфея... – он усмехнулся, но в его взгляде сверкнул интерес. – Мне кажется, у вас гораздо больший талант к играм, чем вы хотите показать. И наша маленькая грязная тайна тому прямое доказательство... Думаю, нам следует прогуляться после завтрака.

Я поспешно отвернулась, делая вид, что рассматриваю сидящих за столом людей, и почувствовала, как внутри всё сжимается.

Алфея знала их.

А я – нет.

В одном я была точно уверена, союзников у меня здесь точно не было. Но зато имелась какая-то грязная тайна и толпа стервятников. И самый наглый из них сидел по правую руку от меня. И мне предстояло отправиться с ним на прогулку.

Глава 10

Перед прогулкой я сбежала «попудрить носик». Так я сказала лорду Фальмонту. На самом деле мне не давало покоя одно обстоятельство, всплывшее в памяти Алфеи... Поэтому я отправилась на кухню, рассудив, что именно там и обитает прислуга.

Кухня встретила меня жаром и запахами специй. Медные кастрюли, развешанные на стенах, поблёскивали в свете факелов. Слуги замерли при моём появлении, один даже отступил на шаг, словно ожидал удара.

– Леди Мор'Эйн... – пробормотала дряхлая старуха, низко кланяясь.

Я проигнорировала её напряжённый голос и огляделась.

– Добрый день. А где Лита?

По кухне пронёсся едва слышный шёпот. Один из слуг нервно сглотнул и пробормотал:

– Только не наказывайте её, миледи...

Что за странности? За что мне её наказывать? Но я не успела спросить. Дверь на задний двор отворилась, и в помещение шагнула Лита. В руках она держала алый цветок. При виде меня девушка вздрогнула, но быстро взяла себя в руки и поклонилась.

– Вы искали меня, миледи?

Я пригляделась. Её пальцы дрожали. Затем она и вовсе спрятала цветок за спину. Но мне не было никакого дела до походов служанки. Меня волновало совсем иное.

– Мы можем поговорить... наедине?... – прошептала я.

– Конечно, моя госпожа...

Лита кивнула на всё ту же дверь, откуда она только что появилась.

Мы торопливо покинули кухню под взглядами слуг, но мне было плевать. Мне было важно задать свои вопросы, дабы разработать стратегию поведения.

Сад встретил нас безмолвием. Вечная ночь окутывала его, превращая в мир теней и шёпота. Факелы, установленные вдоль дорожек, дрожащим светом отбрасывали пляшущие тени на кривые стволы деревьев. Здесь не было привычной зелени – лишь тёмные, словно окропленные тушью листья, да редкие цветы, чьи лепестки мерцали призрачным светом, будто вобрали в себя последнюю память о солнце.

В воздухе висел сладковатый аромат, одновременно притягательный и тревожный. Вдалеке, у искусственного пруда с чёрной, неподвижной водой, каменные статуи застыли в вечной тоске с искажёнными от страха лицами. Казалось, что они пытались закричать перед тем, как кто-то навечно запечатал их в камне.

И вдруг – шелест. Лёгкий, почти незаметный, но заставивший меня насторожиться. Я подняла взгляд.

На ветвях старого дуба сидели вороны. Их зелёные глаза сверкали, выхватывая отблески факелов, следя, слушая. Ожидая.

Лита заметила их первой и быстро отвела взгляд, сжалась, словно её окатили ледяной водой.

– Не здесь... – шепнула она. – Идёмте дальше.

Мы свернули с главной дорожки, скрываясь в полумраке сада, оставляя позади зелёные глаза, которые, я знала, ещё долго будут провожать нас во тьме.

Наконец, Лита остановилась у одноэтажного деревянного здания. Оно выглядело старым, но крепким, крыша была покрыта почерневшей черепицей, а массивные створки ворот напоминали тяжёлые губы великана, готовые сомкнуться в любой момент.

По запаху я сразу поняла, что это конюшня. В воздухе густо смешались ароматы сена, свежих древесных опилок и мускусный запах лошадей. Где-то внутри слышалось глухое перестукивание копыт по каменному полу.

Вдруг тишину нарушило короткое ржание, будто кто-то почуял чужого и поспешил предупредить остальных. Я замерла, а затем услышала тихий шорох. Может, крысы? Конечно, в любом подобном месте они были неизбежны.

Лита осторожно огляделась, затем подтолкнула тяжёлую дверь. Она подалась со скрипом, и я увидела, как в глубине замелькал тёплый свет факелов. Когда я сделала шаг ближе и взялась за дверной косяк, на пальцах осталась тонкая пыль – смесь конского пота и дорожной пыли, оседающей на деревянных стенах.

– О чём вы хотели спросить, моя госпожа?..

– Расскажи мне про вечную ночь...

– Что?..

– Я... – я торопливо отвела взгляд, стараясь выглядеть небрежно. – Это последствия ранения. Всё ещё путается в голове. Воспоминания странные. Но я помню день, когда на небе светило солнце...

Про казнь я умышленно промолчала.

Лита подняла на меня глаза, но в них не было удивления. Только растерянность, словно я задала вопрос, на который должна была знать ответ.

– Это кара, миледи, – ответила она. – Гнев Всесущих.

Я почувствовала, как внутри что-то холодное разлилось по венам. Гнев? Значит, это нечто искусственное...

Сердце сжалось, и вдруг память услужливо подбросила новый образ, давно стёртый временем. Я снова увидела мать Алфеи на плахе, её волосы спутаны, но взгляд спокоен. Палач уже занёс топор, но она не смотрит на него. Она смотрит на отца.

– Ты подписал свой приговор, – произносит она ровным голосом.

Отец неподвижен. В глазах его нет ни злобы, ни сожаления. Только холодная уверенность.

– Ты будешь править в ночи, МорЭйн, — продолжает она. – В вечной ночи. И не увидишь света, даже когда смерть заглянет тебе в лицо. Ты сгинешь во тьме...

Топор падает.

Я вздрогнула, возвращаясь в реальность.

Ночь. Вечная ночь.

Так это проклятие!

Я всё вспомнила...

Когда солнце скрылось за горизонтом в тот день, оно больше не вернулось. Сначала люди ждали рассвета. Ждали час, два, весь день напролёт, гадая, не случилось ли солнечное затмение или, может, прихоть погоды заслонила небеса. Но время шло, а небо оставалось тёмным.

Прошёл день – в сумраке, скрашенном лишь факелами да магическими огнями. Потом ещё один. Потом неделя. Паника, охватившая сначала лишь немногих, начала разрастаться.

Слухи расплзались, как змеи. Одни говорили, что Всесущие отвернулись от нас. Другие шептались, что лорд МорЭйн сам низверг свет, принеся страшную жертву. Но чаще всего вспоминали слова той, кого он отправил на плаху.

Ты будешь править в ночи. В вечной ночи.

И действительно, ночь окутала королевство, став не просто отсутствием дня, но чем-то зловещим, живым. С течением времени небо перестало быть обычным тёмным сводом. Оно стало чёрным, вязким, без единой звезды. Ветер, прежде игривый и ласковый, обрёл голос – шёпот, пробирающийся в сны и сеющий страх.

Растения изменились. Цветы, любившие солнце, увяли. Мир стал мрачным, наполненным звуками, которых прежде никто не слышал. Некоторые деревья заговорили, другие перестали давать плоды.

А потом появились вороны – вездесущие шпионы отца. Им-то темнота была нипочём. Они сотнями оседали на крышах замка, на башнях, на городских стенах. Их глаза светились ядовито-зелёным светом, и все знали – они видят всё. С тех пор никто больше не говорил плохо о лорде МорЭйне. Никто не роптал, не спорил. Потому что даже в темноте за тобой могли наблюдать.

И теперь ночь была не просто проклятием, она превратилась в полноправного правителя, разделив трон с отцом.

– Как же можно жить в таких условиях?..

Лита снова поглядела на меня так, словно я произнесла какую-то несусветную чушь, но ничего не сказала. Снаружи слышались шаги, и служанка испуганно посмотрела на дверь.

– Мне не следует задерживаться, моя госпожа... Леди Виолайн требует, чтобы слуги не слонялись без дела...

Я кивнула. Припоминать её недавнюю вылазку к ухажёру не стала. Мне в этом рассаднике змей не помешает человек, которому я смогу хоть как-то доверять.

– Ладно, пойдём...

Мы покинули конюшню и лицом к лицу столкнулись с лордом Фальмонтом, чтоб ему пусто было!

Дорогие читатели!

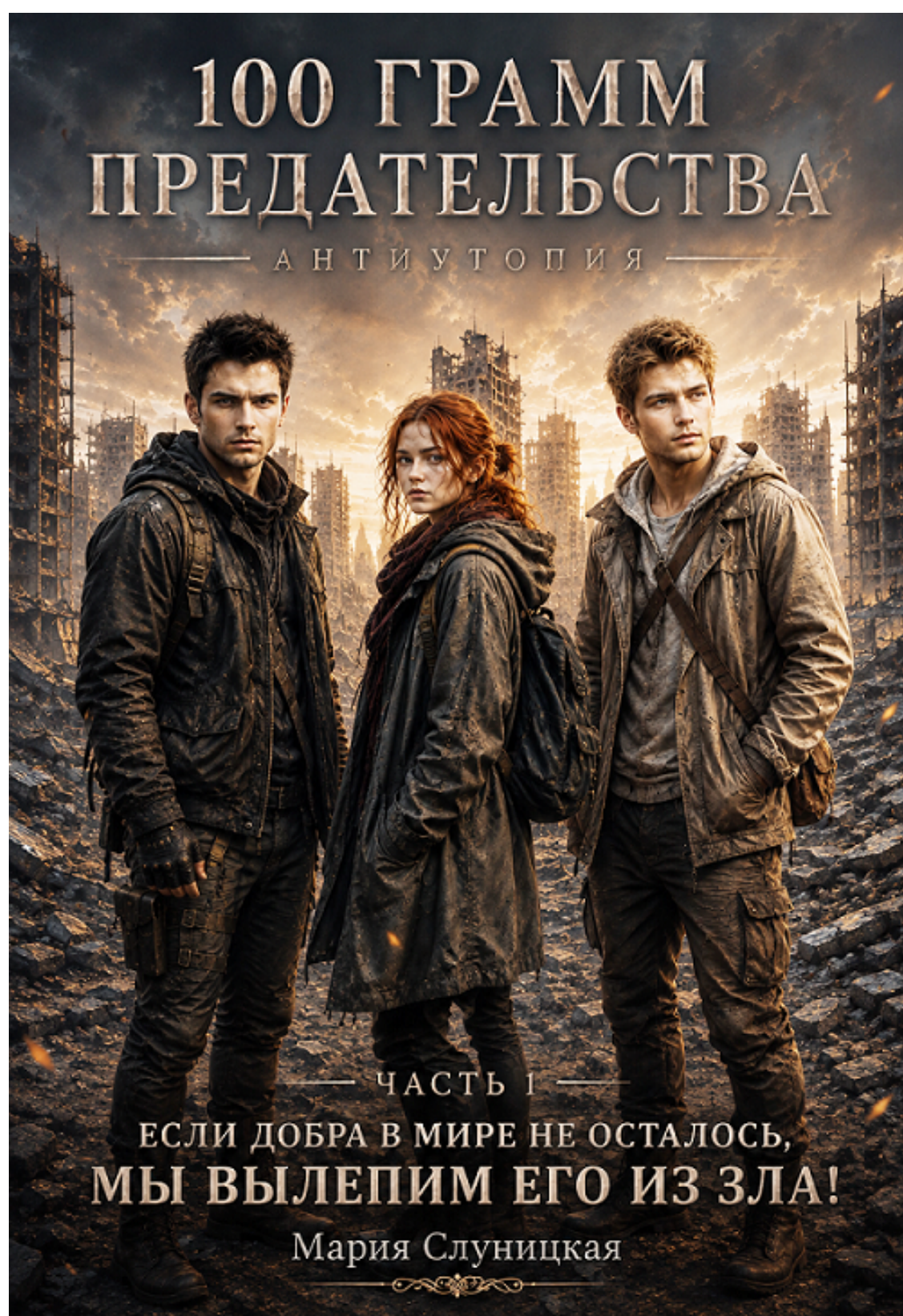
Я с удовольствием приглашаю Вас в мою фантастическую историю о приключениях Карамельки!

100 грамм предательства БЕСПЛАТНО

Мир будущего. Нас разделили на классы и диктуют как жить. Не возражай. Не думай. Не ищи перемен. Сомневаешься в линии Регентства? Добро пожаловать в Кульпу – тюрьму, где томятся неугодные. Большие не способны приносить пользу обществу? Пора на Утилизацию! И никто, абсолютно никто, тебе не поможет. Потому что здесь каждый сам за себя, а под запретом не только дружба, но и любовь.

Получив послание от таинственного незнакомца, Кара Мель решает на побег. Но вместо загадочного красавца Дина ее встречает грубый и нахальный Фолк. Кару ждут опасные и захватывающие приключения, ей придется столкнуться с предательством, интригами и коварством. Кто же окажется врагом, а кто протянет руку помощи в трудную минуту? Сможет ли Карамелька справиться с испытаниями, сохранить себя и обрести настоящую любовь?

***В книге есть:*Первая любовь*Борьба за свободу*Интриги и тайны*Приключения- Эта история для тех, кто любит, когда...- чувства становятся оружием, а доверие - роскошью- спокойная жизнь превращается в борьбу за выживание- власть готова уничтожить любого, кто не согласен- каждая разгаданная тайна дарит новую- персонажи меняются так, что к финалу их невозможно узнать

Глава 11

– Я могу идти, моя госпожа? – Лита с испугом глянула на лорда Фальмонта и тут же потупила взгляд. В её плечах появилась напряжённость.

– Конечно-конечно, – рассеянно кивнула я.

Служанка тут же исчезла, как капля воды в раскалённом масле – с лёгким всплеском и шорохом юбки.

Мы остались вдвоём.

– Вы всё же решились на прогулку...

Лорд Фальмонт стоял в полумраке, и факел, прикреплённый к стене неподалёку, очерчивал его лицо плавными бликами. Его камзол из чёрного бархата сидел безупречно, подчёркивая широкий разворот плеч и стройность фигуры. Он прекрасно знал, как выглядит, и, что хуже всего – умел этим пользоваться.

– Вы подстерегали меня? – я вскинула бровь, но голос предательски дрогнул.

Он шагнул ближе, и я ощутила лёгкий аромат – дымчатые древесные ноты, что-то пряное, чуть терпкое, словно корица на крови.

– Мне просто... повезло, – усмехнулся он. – Иногда удача улыбается самым достойным.

– Вы и правда в это верите? – я сжала руки за спиной, чтобы не выдать дрожь.

– А вы? – он остановился на расстоянии вытянутой руки, и тень от его фигуры легла на мою. – Верите, что всё – случайность?

Я отвела взгляд, пытаясь отдышаться. Сердце билось неестественно быстро – то ли от напряжения, то ли от того, как он смотрел. Словно знал обо мне больше, чем знал кто-либо другой. Словно видел не Алфею... а ту, что внутри.

– Вы выглядите бледнее, чем утром, – тихо сказал он. – Вам точно стоит гулять?

– Если вы так переживаете, можете предложить мне руку.

– Я предложил бы больше, – его голос стал ниже, почти бархатным, – но нас ведь могут услышать.

Над головой хлопнули крылья. Я вскинула взгляд – прямо над дорожкой пронеслась стая ворон. Глаза у них... зелёные, нечеловеческие, светящиеся, словно изнутри их пылал огонь. Один замедлил полёт, почти зависая в воздухе, как будто приглядывался. А над нашими головами пронеслась ещё одна тень – другой ворон – чёрный, с блестящими изумрудными глазами. Он каркнул и закружил над крышами.

Мы оба замолчали.

Фальмонт медленно подался ко мне ближе, склонился к самому уху.

– Нам лучше отойти... туда, где даже перья не шепчут, – прошептал он, и рука его коснулась моей ладони, холодной после сена и тёмного воздуха конюшни.

– Почему вы всегда говорите загадками? – попыталась я сохранить самообладание.

– Потому что правда опасна, – тихо ответил он и улыбнулся – почти лениво, как кошка, которая только что поймала мышь и ещё не решила, съесть её или сначала поиграть.

– Кажется, меня караулят со всех сторон, – сухо заметила я, оглядываясь на птиц.

Фальмонт качнул головой, взгляд его стал внимательнее.

– Не только вас, – он на секунду замолчал, а потом едва заметно кивнул на ворон. – Эти шпионы не упустят ни единого слова.

Его голос стал ниже, мягче. Так говорят только когда хотят, чтобы слышал один-единственный человек.

Я подалась вперёд.

– Бойтесь, что кто-то узнает нашу маленькую грязную тайну?

Его губы дрогнули – почти улыбка, но слишком осторожная.

– Вы очень беспечны, – он шагнул ближе. – И очень настойчивы.

Я не успела ответить – снова хлопнули крылья, вороны спикировали куда-то в глубину сада. Мы оба невольно понизили голос.

– Вам лучше не болтать об этом, где попало, – негромко добавил он.

Я почувствовала, как его пальцы коснулись моего локтя. Не крепко, не властно – просто прикосновение, как предупреждение.

– Где же тогда говорить? – я не отвела взгляда.

Фальмонт не говоря больше ни слова, потянул меня вглубь сада. Тропа вилась между кустами, фонари оставались позади, и вскоре мы оказались в маленьком павильоне, укрытом от посторонних глаз. Здесь было темно, только снаружи, сквозь просветы в листве, пробивались отблески факелов. Каменные колонны отбрасывали длинные тени, а воздух был тёплым, насыщенным ароматами ночных цветов. Тут могло быть даже уютно, если бы не напряжение, повисшее между нами.

– Ну, так что же за тайна? – спросила я, оборачиваясь к нему.

Фальмонт смотрел внимательно, будто что-то взвешивал. Потом медленно улыбнулся – не насмешливо, не самоуверенно, а так, что у меня по спине пробежал холодок.

Он стоял слишком близко, его взгляд скользил по моему лицу – лениво, оценивающе.

– Вы нервничаете, леди Алфея, – его голос был низким, почти мурлыкающим.

– Вовсе нет, – я вскинула подбородок, но он только усмехнулся.

– Нет? – медленно повторил он и поднял руку.

Я замерла, когда его пальцы коснулись моего плеча, медленно скользнули вниз по рукаву. Лёгкое, почти ленивое движение, но оно обожгло кожу даже через ткань.

– Тогда почему же вы дрожите?

Я не дрожала. Ну, почти.

– Это всего лишь холод, – сухо поведала я.

Фальмонт склонил голову набок, будто размышляя, стоит ли продолжать.

– Холод, значит... – он шагнул ближе, в полумраке я ощущала тепло его тела. – Или что-то другое?

Он наклонился, губы почти коснулись моего виска. Лёгкое прикосновение дыхания, намёк на поцелуй.

– Лорд Фальмонт... – моё сердце сбивалось с ритма, но я заставила себя удержать голос ровным.

– Да?

Я повернула голову, и на мгновение наши губы оказались опасно близко.

– Так что там с тайной? – повторила я.

Его глаза чуть сузились, но улыбка осталась.

– Какая же вы нетерпеливая... – пробормотал он, но отстранился, только кончиками пальцев, задержавшись на моём запястье.

– Уж какая есть... И?..

– Всё просто, леди Алфея, – голос его прозвучал тихо, почти ласково. – Мы с вами сговорились убить лорда МорЭйна.

А кто говорил, что будет просто?..

Глава 12

Мир как будто дрогнул. Воздух стал гуще, и на мгновение мне показалось, что он сдавливает грудь, не давая дышать.

Батюшки! Вот это я загремела в сказочный мир. Мало того что вечная ночь кругом, папочка больше походит на Джека-потрошителя, но это же не повод лишать его жизни! Похоже, сама леди Алфея на конкурсе доброты заняла бы последнее место.

– Что?.. – мой вопрос прозвучал шёпотом, но лорд Фальмонт был слишком близко, чтобы его не услышать. Он всё ещё держал меня, его пальцы чуть сильнее сжались на моей талии.

– Разве вы не об этом мечтали? – его голос был мягким, почти ласковым, но в глазах вспыхнул азарт.

Я хотела отпрянуть, но спина уже упёрлась в холодный камень. Чёрт возьми, я сама загнала себя в угол.

– Это... безумие, – выдавила я.

– А разве вы когда-нибудь были рассудительны? – усмехнулся он.

Что на это ответить, я не знала... *Я прошла* именно такой и была – рассудительной и... скучной. Слово всплыло в голове само собой. И даже мысленно произнесённое, оно вызывало обиду.

– Со стороны виднее... – всё-таки нашлась я.

Его лицо было так близко, что я чувствовала его дыхание на своих губах. Близко... слишком близко. И если бы не шум крыльев воронов, разрезавший тишину, он бы, возможно, действительно меня поцеловал.

Но вместо этого Фальмонт дёрнул головой, глаза его прищурились.

– Чёртовы птицы, – процедил он.

Я почувствовала, как меняется его настроение — тело напряглось, а глаза внимательно наблюдали за воронами, чьи глаза мерцали изумрудами во тьме. Наконец, птицы снова зашуршали крыльями и скрылись из виду.

– Нужно быть осторожнее, – негромко добавил он, снова глядя на меня. – Они всё слышат. Для того и созданы: следить, запоминать, докладывать...

И как раз в этот момент в ночи раздался новый звук – лёгкий стук каблучков по каменной дорожке. Мы обернулись.

Леди Валентай.

Она появилась внезапно, словно соткалась из самой ночи. Глаза её сверкнули в отблесках факелов, а взгляд, брошенный в мою сторону, был таким, что, если бы он мог убивать, я бы уже была сначала испепелена, затем повешена, а после – утоплена для надёжности.

– Леди Алфея, – её голос звучал мягко, но под этим бархатом скрывались стальные нити.

– Лорд МорЭйн требует, чтобы вы сделали выбор.

Я нахмурилась.

– Выбор?

– Да, – её губы тронула лёгкая, почти торжествующая улыбка. – Вы должны определить «Последний путь» для того, кто осмелился поднять руку на дочь тёмного лорда.

– «Последний путь»? – как дурочка повторила я.

– Вид казни, – леди Валентай слегка наклонила голову, – для неверного, который вас чуть не убил. – Вы что, не помните? – в её голосе проскользнули ядовитые нотки.

Я чувствовала, как Фальмонт замер рядом, но не обернулась к нему. Грудь сдавило тревожное предчувствие.

– Конечно, помню, – ответила я ровно, хотя сердце вдруг забилось быстрее.

Последний путь.

Воспоминания Алфеи подступили, размытые, но достаточно чёткие, чтобы я, наконец, поняла, о чём идёт речь. Казнь здесь не просто способ наказания – это демонстрация власти. Лорд МорЭйн проделал то же самое с матерью Алфеи.

Леди Валентай скользнула по мне долгим взглядом и усмехнулась.

– Что ж, тогда вы должны поспешить, леди Алфея.

Я ощутила, как сжались пальцы. Холод, который жил во мне с тех пор, как я очнулась в этом теле, внезапно стал тяжелее. Пронзительнее.

– Благодарю вас, леди Валентай, – я выдавила вежливую улыбку, натянутую, как струна.

– Передать волю отца – достойное поручение. Я немедленно направляюсь к нему.

– Я уверена, он оценит ваше рвение, – её губы дрогнули в подобии поклона, но ломанного и неискреннего.

Я развернулась, едва удержавшись от желания вцепиться ногтями ей в лицо. В груди горело – не гнев, нет. Гнев был бы уместен. Это была смесь растерянности и чего-то другого. Чего-то тянущего вниз, в самую глубину. Я не собиралась участвовать в подобном людоедстве. Только через мой труп! Который, скорее всего, тихо-мирно лежит на кладбище в моём мире.

Вернувшись к дворцу, я растерянно остановилась перед парадными дверями, размышляя, что мне делать дальше.

– Вы не собираетесь к отцу, не так ли? – раздалось позади. Голос лорда Фальмонта прозвучал негромко, но в нём была тревога.

Я обернулась. Он смотрел на меня не с усмешкой, как прежде, а почти серьёзно. Почти... осторожно.

– Простите? – я приподняла бровь.

– Вы что-то задумали.

Я помолчала. Сердце билось чуть быстрее.

– Вы слишком наблюдательны, милорд, – сказала я, склонив голову. – Наверное, это то, что делает вас опасным.

Он прищурился, явно всё ещё сомневаясь.

– Опасность – лишь следствие выбора, – произнёс он. – Я надеюсь, ваш сегодняшний выбор будет... взвешенным.

– Я тоже.

Я снова улыбнулась. На этот раз – по-настоящему.

И тут лорд Фальмонт оказался рядом. Его рука мягко, но решительно коснулась моей щеки.

– Что вы... – начала я, но слова растаяли, когда его губы накрыли мои.

Поцелуй вышел тёплым, настойчивым – не нежным, нет – скорее, притязательным – как подарок человека, который не спрашивает, а берёт. Я замерла. Сердце резко стукнуло где-то в горле.

Меня никто не целовал до этого. Никогда.

Это было не так, как в книгах. Не так, как в чужих воспоминаниях. Это было неправильно... слишком близко, слишком опасно. И в то же время – губительно притягательно.

Я почувствовала, как внутри всё сжалось. Меня рвало на части. Часть хотела ударить его, оттолкнуть, вытереть губы рукавом. Другая – та, в которой теперь дышала Алфея, – хотела... остаться.

Фальмонт отстранился медленно, будто давая мне время опомниться. Он смотрел в мои глаза – не ухмылялся, не ждал пощёчины. Только смотрел. Словно что-то искал.

– Моей невесте не идёт такая мрачная решимость, – тихо сказал он. Его пальцы всё ещё лежали на моей щеке. – Особенно когда она задумала нечто запретное.

Я тяжело дышала, стараясь не показать, как дрожат руки.

– Не вздумайте... следовать за мной.

– Как скажете, *любимая*, – прошептал лорд Фальмонт, будто пробуя это слово на вкус. – Но я ведь никогда вас не слушался, не так ли?
Воспоминания Алфеи на этот счёт молчали.
– Уверена, вы *никого* не слушаетесь...
– Что ж, вы очень проницательны.
– Обещайте, что вы не нарушите своего слова. Оно ведь что-то да значит?..
Он усмехнулся, но в глазах не было ни тени насмешки.
– У меня есть несметные богатства, земли, влияние... – он сделал паузу, а затем чуть склонил голову. – Но моё слово – самое дорогое из всего. Я не раздаю его просто так.
Он шагнул назад, словно подчёркивая серьёзность сказанного.
– Сегодня оно принадлежит вам. И я его сдержу.
– Спасибо...
Я развернулась и ушла.
Но его взгляд обжигал мне спину, пока я не скрылась в темноте.

Глава 13

Факелы отбрасывали неровные тени, заставляя сад казаться живым, движущимся. В воздухе пахло чем-то пряным, может быть, ночными цветами и дымом. Я шла по каменным плитам, пытаясь собрать мысли вместе.

Известие, что Алфея сговорила против отца, поразило меня в самое сердце. С другой стороны, лорд Мор'Эйн не был примером добродетели...

Ну и семейка...

Мне припомнилась моя собственная семья.

Мама всегда ставила на подоконник чайник с зелёным чаем, когда я возвращалась поздно – молчаливый упрёк и забота одновременно. А папа... Папа оставлял свет в коридоре, будто бы случайно, хотя говорил, что «электричество жечь зря не нужно». Мы жили в маленькой квартире с облупленной краской на кухонных стенах и ворчащими трубами, но в ней всегда пахло пирогами и книгами. Они часто смеялись. Часто обнимались. Даже ссорились – тихо, будто боялись расплескать что-то важное.

А потом раздался звонок. Сквозь гул в ушах я помню только чужой голос: "Авария... извините... никто не выжил".

Теперь – другой мир, вечная ночь и тело красотки с гнилой душой. Но я не собиралась играть по навязанным правилам. Потому и не пошла к «отцу», как от меня ожидали. Не направилась в Тронный чертог, чтобы величественно, холодно, равнодушно объявить приговор.

Я выбрала иной путь. И подсказала его память Алфеи.

Скрытая лестница за библиотекой отворилась с хрипом, будто сама отвыкла быть потревоженной. Пыль, вековая и терпкая, взметнулась в воздух, оседая на мои ладони и рукава платья.

Спускаясь по винтовой лестнице, я чувствовала, как воздух меняется. С каждым шагом он становился тяжелее, влажнее, будто в лёгкие проникает не кислород, а чья-то память. Плач. Страх.

Я спускалась туда, где стены дышали сыростью, а шаги звучали так, словно кто-то в темноте шагал следом. Плачница ждала меня... так здесь звалась тюрьма, расположенная в подземелье.

Слуги произносили название шёпотом, а то и вовсе беззвучно, одними губами. Отец называл его Нижним Уделом – мол, это всего лишь старый уровень тюремного блока. Но я помнила. *Алфея* помнила.

Её мать когда-то рассказывала, что тут раньше был храм – светлый, наполненный музыкой и голосами магов, которые служили Всесущим. Именно здесь, под фундаментом, находился алтарь Серебряного Взора. Место прозрения. Предсказания. Она водила меня-Алфею туда тайно, когда была ещё жива. Её голос в подземной тишине звучал как заклинание, а тени не казались враждебными.

Потом всё изменилось.

После казни матери свет ушёл из этих стен. Алтарь был разрушен, завален камнем и костями. И тогда... началась ночь. Не метафорическая, не поэтическая – настоящая. Солнце исчезло, и с тех пор не поднималось.

Легенда гласила, что Всесущие отвернулись от нас в тот день. Что они не простили смерти той, кто могла видеть нити будущего. Той, что предсказала падение Мор'Эйна... и заплатила за это жизнью.

Я прикоснулась к влажной стене – пальцы соскользнули по тонкому слою мха. Внизу уже не пахло пылью и книгами. Здесь пахло гнилью. И чем-то металлическим.

В подземелье царил не тьма – сама плоть тьмы. Её можно было потрогать, вдохнуть, ощутить, как она царапает тебе горло изнутри. Но в самой глубине коридора мерцал неясный свет. К нему я и направилась, как мотылёк на пламя.

В конце пути меня встретил дозорный – высокий, в чёрных кожаных доспехах, с лицом, скрытым под полумаской. Не сказав ни слова, он привычно посторонился, будто в прежние времена я бывала здесь частой гостьей.

Неужели Алфея развлекалась тем, что бродила по тюрьме и устраивала пытки?..

Я украдкой снова взглянула на дозорного. Понять, о чём он думает, было невозможно.

На поясе у него висел гарк – тонкий, почти изящный клинок-хлыст, сверкающий в полумраке металлическим плетением. Милая вещица, из рукоятки которой при нажатии выстреливает гибкая лента из металлизированной лозы, усиленная осколками кости или кварца. Гарк и прозвище-то своё получил из-за звука, который издаёт при ударе – скрипучий и резкий, от него все внутренности сворачиваются.

Гарк не столько оружие, сколько символ власти Плачницы. Поговаривали, его придумал сам Верховный Палач Пятого Круга – изящное решение для тех, кто хочет карать и не пачкать рук.

В правильных руках гарк мог не просто ранить – он выжигал след боли в самой душе. И именно гарк вручали тем, кто должен был провожать узников до последней черты – не случайно даже приказ лорда мог быть оспорен, но удар гарка – никогда.

Воспоминание Алфеи обрушилось на меня водопадом. Словно наяву я увидела кровь. Не капли – потоки. Тело, корчившееся в петле цепи, и мои собственные руки, сжимающие рукоять. В тот день Алфея действовала не по приказу. Тот узник оскорбил её – и она захотела, чтобы он знал, каково это – чувствовать, как боль проникает под кожу, в нервы, в разум. Гарк извивался в воздухе, будто змея, а затем... крик. Такой, что вены звенели. Он кричал не от страха – оттого, что внутри него лопалось что-то человеческое. А Алфея смеялась...

Тогда она гордилась собой. Гордилась властью.

Теперь меня выворачивало внутри. Я почувствовала, как кожу покрывает липкий пот, хотя в подземелье было холодно. В груди – ком. Мне хотелось отвернуться от воспоминания, от самой себя, от гарка.

Но не вышло.

Одна из таких плетей лежала на каменном столе у входа. Изогнутая рукоять блестела, словно приглашала взять её в руку. Я невольно задержала на ней взгляд. Охранник уловил это.

– Хотите взять с собой, миледи? На случай... если передумаете про милосердие, – в его голосе не было насмешки. Только уважение. И толика страха.

Я молча кивнула, чтобы не выдать себя. Дозорный почти любовно протянул мне гарк. Я ловко подхватила рукоять, проверила механизм. С глухим щелчком гибкая лента выстрелила вперёд и тут же втянулась обратно. Приятный вес. Тепло металла. И запах крови, въевшийся в кожу рукояти. Меня затошнило. Это были не мои эмоции – Алфеи...

Перед тем как повернуть к западному крылу подземелья, я услышала глухие голоса. Сердце болезненно дёрнулось. Ещё двое охранников стояли у двери в дальнюю часть катакомб – ту самую, что вела к «особым» камерам. Тем, куда помещали неверных, заслуживающих самой страшной участи.

Я замедлила шаг, но не остановилась. Платье скользило по полу, с каждым шагом усиливая тяжесть моего образа – леди, дочь самого МорЭйна. Пугающий титул, даже если он казался чужим.

– Моя госпожа, – отреагировал один из стражей. Второй поклонился, но взгляда не опустил. Было в нём что-то слишком внимательное. Подозрительное.

– Я прибыла по приказу лорда МорЭйна, – произнесла я ровным голосом. – Мне нужно к заключённому. Тому самому... Хочу лично его увидеть.

У первого стража дёрнулся угол рта – то ли улыбка, то ли нервный тик. Второй выглядел неуверенно.

– Но, леди МорЭйн, у нас не было распоряжения... – начал было он.

– Хотите его дождаться? – перебила я. – Мой отец не любит, когда его дочь задерживают. Особенно – ради мелкой формальности.

Я приблизилась к стражам. Медленно, как делает хищник, подбирающийся к добыче, чтобы она поняла, что шансов нет.

– Я ведь могу передать ему, кто именно не позволил мне увидеть неверного. Или... мы забудем об этом недоразумении.

Кажется, я уже вошла в образ. Мне даже послышались в собственном голосе металлические нотки. Никогда бы не подумала, что умею так... Но новая реальность требует новых умений.

Молчание. Тягостное, от такого холодок пробежался вдоль позвоночника. Неужели я не справилась с ролью злобной девицы?

И всё-таки моя взяла. Первый охранник кивнул второму – тот нехотя вытащил связку ключей, что висела у него на поясе.

Слава богу!

Наконец, решётка со скрежетом распахнулась, приглашая меня войти.

Словно к Набокову заглянула, словно и меня пригласили на казнь. А в голове билось безрадостная цитата:

– Как мне, однако, не хочется умирать! Душа зарылась в подушку.

Камеры в этой части подземелья были врыты прямо в тело скалы. Без дверей, только решётки, проржавевшие, как кости древнего зверя. Здесь повсюду витала обречённость. Один из охранников, сняв со стены факел, повёл меня по петляющим коридорам. Я шагала уверенно, но всё равно меня бросало в дрожь. Камеры казались живыми – кто-то стонал в глубине, кто-то смеялся – глухо, безумно, другие рыдали или изрыгали проклятья...

Мы достигли самого дна – спустились ещё ниже, в самые недра земли. Во времена Храма тут располагались усыпальницы магов – священное место, которое теперь было замарано и запятнано грязью, болью и смертью.

– Вот, моя госпожа... Он здесь.

Я остановилась перед камерой. Парень был там – тот, кто чуть не убил меня. Но убил настоящую Алфею. Сквозь прутья я видела только его силуэт, но мне хватило и этого. Он дышал тяжело, но был жив.

Почему я пришла сюда? Я не знала.

Может, хотела взглянуть в лицо тому, чья кровь должна быть пролита по моему слову. Может, надеялась найти в себе ту жестокость, которой от меня ждали. А может, просто искала... что-то настоящее. Без притворства. Без лжи. В самом сердце подземелья.

Он сидел в тени, привалившись к стене камеры, словно был частью этих камней.

Услышав мои шаги, он поднял голову. Его лицо было исхудалым, под глазами залегли синеватые тени. Тёмные волосы свисали прядями, слипшиеся от грязи и крови. Он напоминал зверя, загнанного в угол, но глаза – глаза горели злобой.

– Кто к нам пожаловал... – произнёс он хрипло. – Прекрасная госпожа, чьё сердце остановилось от моей руки... но, увы, забилося снова.

От его слов меня бросило в жар. И то самое сердце застучало в испуге, словно учуяв того, кто едва не оборвал его стук навсегда.

Глава 14

В его взгляде не было страха – только ледяное презрение.

– Пришла полюбоваться на пытки? – процедил он. – Или устроить новую забаву?

От его голоса внутри всё сжалось. Хриплый, изломанный, как будто сотканный из лоскутков боли. И всё же живой.

Я хотела ответить колко, резко... но слова застряли в горле. Вместо этого я сделала шаг ближе, так, чтобы страж услышал меня отчётливо.

– Открывай...

Охранник замер. Потерял дар речи – не от ужаса, нет. От осознания, в какой ситуации оказался.

Что ж, привыкай, милый.

– Миледи... но... – он нервно покосился на заключённого, потом на меня. – У меня нет разрешения...

Я медленно повернулась к нему и, глядя прямо в глаза, холодно произнесла:

– Я – твоё разрешение. Выполнять. Открывай.

Мои слова прозвучали ровно, без эмоций. Но внутри всё горело. Я чувствовала, как сердце стучит в горле, как страх сжимает грудную клетку, как собственное безумие дышит мне в затылок. Что я делаю?..

– Моя госпожа... это не по протоколу...

– А ты знаешь, кем пишутся протоколы?..

Страж потупил взгляд. Конечно, он знал. И знал, насколько легко тот, кто их пишет, может лишиться его жизни. Одним щелчком пальцев лорд МорЭйн вычеркнет этого беднягу из списка живых. А я приходилась лорду родной дочерью, по крайней мере, внешне.

Да, охранник понимал, что отказ мне может стоить ему головы. Но знал и другое: если я погибну от рук заключённого – ему не просто не сносить головы, его род сотрут с лица земли.

– Но... ваша безопасность... – он предпринял последнюю попытку.

– Если он дёрнется, я сама вырву ему сердце гарком!

Я взмахнула плетью в воздухе, демонстрируя всю серьёзность своих слов. Охранник побледнел и, не говоря ни слова, сунул руку за пояс. Ключ дрожал в его пальцах. Один щелчок – и тяжёлая дверь приоткрылась со скрипом, словно сама темница вздохнула впервые за века.

Заключённый поднялся. Он был высок, слишком исхудавший, но в его теле оставалась угроза. Взгляд упрямый. Усталый. Грозный.

– И что дальше? Лично поведёшь на эшафот? Что ж, давай... Хотя не так скучно будет умирать.

Я встретила с ним глазами. Он ещё ничего не понял. Оно и неудивительно. Я и сама толком не осознавала, что творю.

Что я задумала?

Глупость – вот что.

Сумасшествие.

Зная «папочку», не удивлюсь, если после моего поступка повесят и меня. Но... устраивать казнь этого парня в мои планы не входило. Уверена, настоящая Алфея ухватила за такую возможность, но я просто не могла участвовать в подобном. Потому что я – не она.

– Выходи... – потребовала я. Голос дрогнул едва-едва.

– Но... моя госпожа, это совершенно против правил! – охранник покосился на заключённого. – Он ведь едва вас не убил...

– Во-первых, у меня есть гарк...

– Но...

– А во-вторых, свяжи ему руки...

Это казалось разумным. Надо же себя хоть как-то обезопасить. Хоть немного притвориться, что я ещё контролирую ситуацию. Страж, уже не споря, подошёл к узнику, вынул из кармана тонкий, но прочный ремешок и обернул его вокруг запястий преступника.

– Я отведу его наверх... Как ты понимаешь, его судьба уже решена. И если не хочешь, чтобы досталось и тебе, не мешай!

Чтобы у стража не осталось и мысли мне перечить, я подошла к узнику и... взмахнула гарком. Кончик плети со свистом рассёк воздух и оставил на его щеке рваный, кровавый след. От неожиданности я едва не вскрикнула... А он даже не вздрогнул. Просто посмотрел на меня – с ненавистью и презрением. И я вдруг поняла: он бы с удовольствием убил меня прямо здесь.

Страж отступил. Подчинился. Страх – универсальный язык в этих краях.

А я... я впервые почувствовала, насколько тонок лёд под ногами. Насколько всё шатко. Гарк в руке, кровь на щеке заключённого, ключи в замке... и холод в груди. И всё-таки я решилась пойти дальше. Шаг за шагом. Всё глубже в бездну.

Мы направились к выходу. Узник шёл рядом, руки связаны, но движения уверенные, будто не плёлся на казнь, а направлялся туда, где его примут с почестями. Гарк лежал в моей ладони, тяжёлый, обжигающе тёплый, словно его питала чужая боль. Я держала кнут так, чтобы видеть краем глаза, как кончик чуть касается пола – пусть преступник знает, что я готова. Или, по крайней мере, пусть так думает.

Коридоры Плачницы казались бесконечными. Камень под ногами был влажным, пах старой кровью и временем. Факелы, развешанные вдоль стен, бросали тени, дрожащие, как мысли в моей голове. Я слышала, как он дышит. Не часто, не громко – но каждый вдох резал, как клинок. Я чувствовала его взгляд, упёршийся мне в спину. И меня это нервировало. Очень.

На сей раз мы направились к главным дверям – ну, не могла же я, в самом деле, повести его через библиотеку в замок... Вот мы миновали один поворот, потом другой. Ни один из охранников не осмелился остановить нас. Те, кого мы встретили, только отводили глаза, делая вид, что ничего не видят. И всё же я знала: завтра об этом будет судачить весь город – тихо, на кухнях, за закрытыми ставнями.

Впереди замаячила тяжёлая дверь, и вот он – выход из подземелья. Свет уличных факелов казался особенно ярким, почти ослепительным после приглушённой мрачной темноты Плачницы. Оказавшись на улице, я с наслаждением вдохнула свежий ночной воздух – он был наполнен ароматом цветов и... жизни. В лицо ударил прохладный ветер с верхнего двора.

– И что дальше?... – голос узника звучал насмешливо, словно не ему грозила смерть.

И снова этот взгляд, полный ненависти и презрения. Так смотрят на таракана или крысу.

– Почему ты хотел меня убить?

Я не могла не спросить. Вопрос слетел с моих губ быстрее, чем я успела себя остановить. И пусть не моё сердце пронзил его кинжал, но с последствиями-то столкнулась я.

Преступник сощурился, а затем обнажил ровные зубы в холодной улыбке.

– Потому что ты чудовище, – прошипел он, сжимая кулаки. – Ты должна была сдохнуть, но даже Тарг побрезговал тобой, лордовское отродье!

Глава 15

Слова ударили сильнее, чем я ожидала. Я сжала пальцы на рукояти гарка, стараясь не дрожать. Что сделала та, чьё тело теперь принадлежит мне? Красивая обёртка, но гнилая начинка...

– Ты ошибаешься, – прошептала я, не зная, кого пытаюсь убедить – его или себя.

Он усмехнулся, криво, горько.

– Да неужели?... Моих родителей сжигали, а ты смеялась... Потом ты приказала выбросить тела, как будто это были обломки мебели.

Мне стало дурно. Кто я такая, чтобы спорить с ним? Похоже, Алфея – настоящее исчадие ада. И всё же... всё же я должна была попытаться реабилитировать не её, но себя.

– Я не могу исправить то, что уже произошло... – ответила я сдавленно. – Но я хочу изменить настоящее...

– Каким это образом?

– Я... я отпущу тебя на свободу!

Ну вот. Я и сказала это... Назад пути нет. Но его реакция не просто удивила, она поразила меня. Он рассмеялся. Низким, грудным смехом.

– Значит, вот так? – его губы исказила кривоватая усмешка. – Просто отпустишь меня как ни в чём не бывало?

– Не веришь?

– Тебе?.. Конечно, нет! Что ты задумала? – голос его прозвучал глухо, но с хищной настойчивостью. – Новую игру? Или решила разнообразить свои извращения?

Я смотрела на него молча.

– И что дальше? – продолжил он, шагнув ближе. – Прикажешь бежать, дашь поверить в свободу... чтобы потом ударить в спину? Или выставишь на площади – развлечь толпу?

– Есть только один способ проверить, – тихо произнесла я и взмахнула гарком, рассекая верёвку на его запястьях. – Ты свободен!

Он не шелохнулся. Стоял, глядя на освобождённые запястья, словно не верил собственным глазам.

– Что?.. – выдохнул, наконец, он.

Я сжала рукоять гарка до боли в пальцах.

– Ты свободен, – повторила я, уже не так уверенно.

Он поднял голову. Его взгляд стал другим – пронизательным, тёмным, как омут. Теперь в нём плескалось не презрение, а опасная сосредоточенность. Он сделал шаг вперёд. А я, напротив, отступила.

– Знаешь, – медленно начал он, – я мог бы переломить твою милую шейку прямо здесь, лордовское ты отродье... – он поднял руку, будто пробуя, насколько крепко работают пальцы. – Но, пожалуй, сделаю это позже. Когда выберусь отсюда, и надобность в тебе отпадёт.

– Ты что такое заду...

Он резко схватил меня за руку, вывернул, сжал запястье так, что гарк выскользнул из моей ладони и упал на каменные плиты с глухим стуком.

– Нет, нет, нет... – жалобно запищала я.

– Ты совершила глупость, и теперь пойдёшь со мной... – его голос звучал тише, но от этого стало только страшнее. – Ты мой пропуск. Моя гарантия. И ты ведь не хочешь, чтобы я стал грубым, правда?

Я попыталась вырваться, но его хватка оказалась стальной. Свободной рукой он поднял гарк и сунул себе за пояс.

– Ты не выберешься! – сорвалось с губ. – Тебя поймают!

– Тогда у нас с тобой будет очень короткое приключение, лордовское отродье!

Он схватил меня за рукав, резким движением оторвал полоску ткани и, посмотрев с холодной усмешкой, сунул мне в рот, а затем поднял верёвку и ловко связал мои запястья.

– Ы-ым-м... – отчаянно замычала я.

– Я советовал бы тебе заткнуться, а иначе... – он больно дёрнул меня за запястье, – завершу начатое и отправлю тебя к Таргу! А теперь – вперёд!

Он рывком потянул меня за собой – прочь от тюрьмы. Мой едва обретённый мир снова рухнул, оставив на прощание только верёвку на запястьях, кляп во рту и разбойника, мечтающего меня убить.

Этот разбойник тащил меня вперёд, не особенно заботясь о том, насколько быстро я могу идти со связанными руками. Камни под ногами были скользкими, в воздухе стоял запах гнили и дыма. Мы петляли между переулками, обходили главные дороги, но всё равно мне казалось – нас видят. Кто-то следит.

Что-то.

Я подняла глаза и вздрогнула. На крыше, прямо над нами, сидел ворон. Он не каркал, не двигался – просто смотрел. Второй пролетел над головой, разрезав воздух зловещим взмахом крыльев. Третий вспорхнул с колокольни, как по сигналу. Они знали. Они уже несли весть.

– Погань крылатая... – прошипел он, заметив мой взгляд. – Давай сюда.

Он собирался свернуть в подворотню, но в тот же миг из бокового прохода вынырнули двое стражей. Мой похититель отпихнул меня в сторону и рванул им навстречу. Один успел крикнуть, но его голос тут же оборвался – кулак с хрустом врезался в горло. Второй был ловчее, успел выхватить металлическую цепь. Она взвилась, как змея, но узник выхватил гарк из-за пояса и полоснул по шее. Без шансов! Бедняга повалился на землю с предсмертным хрипом, из шеи его хлестала кровь. Я было бросилась к нему, не в силах оставить вот так умирающего – я ведь всё-таки медсестра в своём мире.

– Идём, сказал! – он схватил меня за плечо и больно дёрнул.

Мы юркнули в тень между двумя домами, перескочили через разломанную лестницу и оказались в узком грязном проулке. И тут я увидела телегу. Гниющие тела, сваленные как мусор, зловоние, от которого хотелось упасть в обморок.

– Не-е, – выдохнула я сквозь кляп и покачала головой.

– Да, – бросил он. – Хочешь жить – шевелись, лордовское отродье!

Он запрыгнул первым, зарываясь в груды тел, и потянул меня за собой. Я содрогнулась, когда что-то холодное и мягкое коснулось моего лица. Тьма под крышкой телеги сомкнулась надо мной, как могильная плита.

А за углом уже раздавались крики и топот стражников.

Глава 16

Запах был не просто ужасен – он проник в меня, в лёгкие, в горло, в самую душу. Я задыхалась. Даже с кляпом во рту попыталась закричать. Подо мной что-то влажное шевельнулось – или мне это только показалось? Хотелось вырваться, выскочить, выцарапать себе путь наружу ногтями, но сверху уже легло тяжёлое, безжизненное тело. Темнота стала абсолютной.

Дышать было всё труднее. Кляп мешал, ткань пропиталась слюной. Я пыталась дышать через нос, но он забился пеплом и зловонием. Всё внутри протестовало. Меня трясло и тошнило. Если меня вырвет прямо здесь...

Телега тронулась. Глухо скрипнули колёса. Я услышала окрик, потом голос – грубый и ленивый:

– Проверяли уже! Езжай давай!

Колёса заскрежетали громче, а я всё ещё лежала, стараясь не чувствовать, не существовать, не быть. Но мысли неумолимо возвращались к одному: *всё это по-настоящему*. Это не дурной сон. Не кошмар. Я лежу под гниющими телами, связанная, с кляпом во рту, рядом с беглым заключённым, который пару часов назад собирался меня убить.

И это, чёрт подери, было только начало!

Телега гремела по булыжникам, тряслась и подпрыгивала, будто хотела избавиться от нас, как от лишнего груза. Я лежала под заваленными телами – кто-то навалился плечом, чьи-то волосы прилипли к моей щеке. Вонь была такой, что казалось, она разъедает лёгкие. Я зажмурилась и старалась не думать, что у этих людей когда-то были имена. Что они когда-то дышали. Жили. Любили. А потом... умерли.

Локоть преступника упирался мне в бок, как предостережение: не шевелись.

А я и не могла.

Мне оставалось только ждать и молиться, чтобы это поскорее кончилось.

Телега ехала долго. Время потонуло в темноте, в скрипе колёс, в редких голосах, в зловонии смерти. Где-то в пути я всё-таки потеряла сознание – ненадолго, но этого оказалось достаточно, чтобы очнуться с новой волной паники. Он был рядом. Его плечо касалось моего.

Я не видела, не слышала, но чувствовала – как он лежит рядом, горячий, живой, и как всё вокруг мёртво.

Я судорожно втянула воздух, ощущая, как сердце бьётся где-то в горле, и тут он вдруг отыскал мои пальцы и слегка сжал их. Коротко, твёрдо, почти грубо – но в этом было что-то неотвратимо живое. Как ни странно, это подействовало. Мир не стал безопаснее, но стал чуть менее страшным.

В какой-то момент телега остановилась. Голоса были другие – ниже, глуше, будто говорили сквозь сырость и мох. Хрустнули ветки, послышалось шипение факела. Кто-то бросил:

– Вываливайте.

Меня прижало – тела сдвинулись, упали. И вдруг свет – неровный, рыжий, пробился сквозь щели между мертвецами, которые посыпались на землю. Потом и нас поволокли наружу.

Я упала плашмя. Мёрзлая грязь. Корни. Запах сырости и гнили. Но не от тел – от самого леса. Лес этот был странным: слишком тихим. Даже ветер не шевелил его угольно-чёрные листья. Кроны сплетались так плотно, будто закрывали небо от самой тьмы. Я слышала про него... точнее слышала Алфею, а я жила ее памятью.

Итак, это был... Шепчущий лес.

Говорили, он забирает заблудших. Что деревья там живые. Что не всякая смерть там – окончательная. Так подсказала мне память Алфеи.

– Эй, слышали новость? Двое сбежали. Надо проверить... – прозвучало рядом.

– Да это же просто мясо... – отозвался кто-то.

– Я сказал, проверь...

Я затаила дыхание. Сердце билось в горле.

Медленно, очень медленно я приоткрыла глаза. Увидела чёрные сапоги, край щита... А потом лицо.

И мир словно дрогнул.

Лицо было... неживое. Оно менялось прямо на моих глазах. Кожа потемнела, будто обуглилась, глаза запали и словно провалились внутрь. Я смотрела – и не могла отвернуться. Будто тьма внутри него звала меня по имени. Он уже был наполовину по *ту*сторону.

Я видела... смерть. Не абстрактную, не символ. А смерть в человеке.

Этот человек умрёт. Скоро. Очень скоро.

И в тот же миг тьма за его спиной сгустилась. Как будто лес сам зашевелился, раздвинул ветви и выпустил нечто.

Я не успела закричать.

Из мрака вынырнула лапа чудовища. Длинные выгнутые пальцы с когтями, как сучья, схватили его за плечо. Он резко дёрнулся, развернулся, но не успел даже выхватить оружие. Существо было быстрее. Оно вырвалось из темноты, и я увидела искажённое, неестественно вытянутое лицо, слепые белёсые глаза и рот, полный мелких острых зубов.

Ита

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.